

**Влад Вегашин
Иар Эльтеррус
Черный путь**
Серия «Девятимечье»
Серия «Черный мир», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311962
Черный путь: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0517-4*

Аннотация

Три хранителя, три носителя Духа Предела, покинувшие Землю и пришедшие в свой мир. Мир Черного Меча. Одному из них придется лгать ради спасения людей, другому – забыть о чести ради справедливости, третьей – под стягом ненависти идти сражаться за любовь. Но смогут ли они выдержать такие испытания? Сумеют ли остаться людьми, будучи облеченными такой властью, какую совсем недавно и представить не могли? И ведь им еще неизвестно, что на Аенгност уже пришла воистину страшная сила, способная погрузить мир во мрак – и создать его заново.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	27
Глава четвертая	39
Глава пятая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Иар Эльтеррус, Влад Вегашин Черный путь

Глава первая

Аенгрост, свободный город Элерта, западное побережье Некрополя, Сергаал Черный Клинок, Носитель Духа Предела, 1-я декада лета, 2904 год Восьмой эпохи

Лучи солнца золотили стволы сосен. Волны с плеском бились в берег, временами выбрасывая на песок очередную порцию плавника. Водная гладь, отливающая алым в закатных всполохах, мерно покачивалась, словно от дыхания какого-то громадного зверя.

Резко дернув запястьем, Сергаал метнул в воду плоский, отполированный волнами камешек-гладыш и, прищурившись, начал считать «блинчики». Один, два... пять... восемь... двенадцать!

«Личный рекорд, да?» – насмешливо поинтересовался Меч.

Хранитель от неожиданности вздрогнул.

«Где тебя носило?» – без особой надежды на ответ спросил он.

«Где носило – там уже нет, – отозвался Эстай. – Как твои дела с Охотниками Элерты?»

«Как будто сам не знаешь. – Волчонок наклонился, подобрал еще один камень. – Они мне не верят. Идею о совместном походе против вампиров подняли на смех. На моей стороне всего несколько человек, и то, считая Сигурни и Йенну».

«А чего ты ждал? Что свободный город свободных охотников вот так просто возьмет и поставит над собой какую-то там ожившую легенду, причем, прошу заметить, легенду очень хорошо забытую даже теми немногими, кто вообще ее знал?»

«Да ничего я не ждал. Просто мне казалось, что им надоело прятаться в лесах и отсиживаться за стенами и что они действительно хотят уничтожить вампирскую чуму».

«Попробуй взглянуть на ситуацию с другой стороны. Пусть нет шансов на то, что кровососы будут истреблены – но, по крайней мере, есть защищенный город, куда ни один вампир не сунется, их жены и дети имеют немалые шансы вырасти и завести собственных, да и... Нет, даже не в этом дело! Так жили их деды и деды их дедов! Их отцы и матери растили детей в святой уверенности, что Элерта и Глерт – единственные оплоты человечества, что главная задача каждого мужчины – зачать как можно больше детей как можно большему количеству женщин и обзавестись самым разнообразным и обширным набором украшений из вампирьих клыков. А главная обязанность женщины – родить пару-тройку карапузов, немного их подрастить и тоже идти на Охоту! Они не воины, они – охотники! Они могут сколько угодно говорить о том, что вампиры – их враги, но на самом деле вампиры – их добыча. Против добычи не идут воевать, Сергаал. На добычу охотятся – и гибнут в ее зубах, если удача была не на стороне охотника. А ты предлагаешь им нарушить вековые устои, оставить город на попечение самых слабых и идти воевать! Они же не знают, что такое война...»

«Эстай, я все это прекрасно понимаю, – отмахнулся Хранитель. – Я не понимаю только, что делать теперь».

«А это уже тебе решать. Я тут не советчик – да и какой толк от тебя, если ты даже с такой проблемой самостоятельно справиться не можешь?»

«Я справлюсь», – упрямо бросил Волчонок, отправляя в волны очередной гладыш.

Эстай умолк, возвращая Сергаалу видимость возможности побыть наедине со своими мыслями, а потом и вовсе куда-то исчез – молодой человек к тому моменту неплохо научился чувствовать, присутствует сознание Меча поблизости или же тот опять куда-то «ушел».

Однако побыть одному Хранителю не дали. Справедливости ради надо отметить, что *такое* нарушение уединения его вовсе не расстроило.

Сильные руки Сигурни обвили его плечи, девушка прижалась к его спине всем телом и коснулась губами мочки уха.

– Все сидишь здесь в гордом одиночестве? – риторически спросила она.

– А что мне еще остается делать сейчас? – горько усмехнулся Волчонок, оборачиваясь к охотнице. – Доказывать что-либо твоим сородичам бесполезно – они слишком привыкли к определенному укладу жизни, и я не знаю, какое чудо должно произойти, чтобы они готовы были изменить своим выработанным годами привычкам.

– Ты же сам и ответил, – улыбнулась Сигурни, опускаясь рядом на песок. – Должно случиться Чудо. Не особо важно какое – лишь бы против вампиров и на пользу нам.

– Охотники боятся идти войной против вампиров, – чуть презрительно бросил он, обнимая девушку за плечи. – Какое чудо может победить страх?

– Они не боятся. – Сиг покачала головой. – Они просто не видят в этом необходимости. И они не верят в успех.

– Они не верят в меня. Хотя вначале встретили почти как бога. Это-то и горше всего – сперва почитали и чуть ли не клятву принесли, а потом...

– Молодые охотники были на твоей стороне с самого начала, – помолчав, проговорила светлоглазая. – А вот те, кому перевалило за двадцать пять, слишком заостенели в своих непреложных законах и установленных незнамо когда рамках. Знаешь, после того собрания на площади молодые охотники хотели тебя поддержать и готовы были пойти за тобой – но старшие и более опытные удержали их, а позже навязали свою точку зрения. Но тем не менее некоторые из них до сих пор готовы вступить с тобой против вампиров, пусть даже их ждет только смерть. Легенда о Черном Клинке нынче известна всем и каждому, не проходит и дня, чтобы мне не пришлось ее рассказывать. За тобой пойдут... если поверят в тебя.

– То есть, вместо того чтобы заниматься делом, я должен доказывать, что я *могу* совершить Чудо? – раздраженно поинтересовался Сергаал.

– Почему сразу так? – примирительно проговорила охотница, прижимаясь к нему крепче. – Скажи, ты ведь можешь это сделать?

– Чудо? – Молодой человек на миг задумался. – Ну... по вашим меркам – думаю, да.

– Тогда что тебе мешает? – Сигурни запрокинула голову и поймала взгляд Хранителя. – Что тебе мешает это сделать? Соверши Нечто и получишь два клыка одним ударом – и кровососам устроишь веселую жизнь, и охотники за тобой пойдут! Пойми, сейчас ты для них просто сильный маг, который попадает под описание из древней легенды, и не более. Ты чужак, ты подозрительно похож на вампира и так далее... А Элрета потому до сих пор и жива, что охотники никому, кроме друг друга, не доверяют, да и друг другу – не полностью. Знаешь, жизнь на постоянной охоте приводит к тому, что осторожность и недоверчивость впитываются в кровь и передаются с молоком матери...

– Сигурни, я не хочу тратить время на то, чтобы что-то кому-то доказывать. Я не нужен в Элрте – что ж, хорошо, я пойду в Глерт. Возможно, тамошние жители окажутся сговорчивее, и в них я найду больше веры в себя. Возможно, они действительно хотят навсегда избавиться от постоянного страха перед вампирами, – горячо заговорил Сергаал, глядя в глаза девушки.

Охотница отвела взгляд.

– Поступай так, как сочтешь нужным. Если тебе нужна вера в тебя – иди в Глерт, может быть, там ты найдешь ее. Но тогда забудь обо мне. – Она поднялась на ноги, сбрасывая руку

Волчонка с плеча. – Потому что если тебе нужны вера и поклонение – тебе не нужна я. Если ты немного подумаешь, ты поймешь, что не прав. Это только в сказках и легендах приходит великий герой и все тут же идут за ним. Здесь же – живые люди. Люди, которые вынуждены на протяжении долгих веков сосуществовать бок о бок со смертью. Ты думаешь, что старшие охотники держатся за свою власть и потому давят молодежь, не позволяют им иметь собственное мнение – ибо боятся, что их власти придет конец, потому что все пойдут за тобой... и не говори, что я не права! – Хранитель молча скрипнул зубами. Возразить ему было нечего. – Так вот, пойми одну простую вещь: в нашем обществе власть не дает *никаких* привилегий. Только ответственность и тяжкие обязанности. На должность старшего охотника не выдвигают кандидатур – это решают сами охотники, и тем, кого они выбрали, приходится просто смириться с возложенной на них ответственностью и выполнять свой долг! А их долг – сохранить как можно больше человеческих жизней, уничтожив при этом как можно больше вампиров. Их долг – дать нам крохотный шанс дожить до реальной надежды! И заметь, они с этим долгом справились – несмотря ни на что и вопреки всему, оба города-крепости стоят по сей день, хотя вампиры приложили немало усилий, чтобы стереть их с лица земли! ЭлERTA и Глерт выжили и дождались своей надежды – тебя. А ты почему-то не хочешь подтвердить свое право быть живой легендой и знаменем освобождения, ты не хочешь сперва помочь нам – тебе надо, чтобы сперва потешили твое самолюбие! Так вот, Сергаал: если тебе нужно признание – заслужи его. Или иди ко всем демонам!

Оборвав монолог, Сигурни вырвала свою руку из ладони Хранителя и бросилась прочь с берега, туда, где темнели стены города.

Оставшись в одиночестве, Волчонок несколько минут сидел неподвижно, не отводя взгляда от волн. Потом вдруг вскочил на ноги и со всей силы саданул кулаком по камню, разбивая костяшки пальцев.

– Какого черта, а? Ну почему я должен...

«Потому что ты должен. Потому что ты сильнейший в этом мире. Потому что ты отвечаешь за этот мир – твой мир, между прочим. Потому что тебе, и никому другому, дана такая сила. Потому что Сигурни права, а ты – нет».

– Но почему они не понимают, что вместе мы можем гораздо больше, чем я в одиночку? Почему они не верят мне? – возразил он.

«Потому что эти люди уже ни во что не верят. Потому что эти люди забыли саму суть понятия «вера». Потому что ты должен вернуть им эту веру – и только тогда они смогут верить и в тебя!»

Сергаал молча опустил голову. Возразить было нечего. То есть возражать-то можно было до бесконечности, но зачем? Он прекрасно понимал, что Меч прав...

Стоп. *Какой* Меч?

Он на несколько секунд замер, вслушиваясь в собственные внутренние ощущения, и не смог почувствовать ни малейших следов присутствия Эстаи. Он *сам* возражал самому себе же. Потому что на самом деле Сергей Листьев для себя уже давно все решил. Пока маг-недоучка Сергаал пытался добиться какого-то признания собственного величия, пока он ждал, что все поднимут его на руки и пойдут на вампиров, провозглашая его имя, лейтенант запаса Сергей Листьев уже понял, что и зачем он должен делать, и принял решение, с которым Сергаал мог только смириться, прекрасно осознавая неизбежность приведения этого решения в жизнь.

Медленно опустившись обратно на песок, он достал из кармана штанов распечатанную пачку сигарет, оставшихся еще с Земли. Открыл ее, пересчитал взглядом сигареты – тринадцать штук... Сергей хмыкнул. Почему-то всякий раз, когда ему приходило в голову пересчитать количество сигарет в пачке, их оказывалось ровно тринадцать. Сослуживцы немало шутили по этому поводу, что, мол, Листьева не бог, а черт бережет.

Щелкнув пальцами, Хранитель вызвал маленький огонек пламени, зависший над его ладонью. Достал сигарету из пачки, прикурил и с наслаждением затянулся. Он уже давно не курил – материализация все никак не давалась, а пока Волчонок не мог сам создать себе сигареты, взять их здесь было неоткуда.

Выкурив подряд две штуки, Сергей убрал пачку в карман, пружинисто поднялся на ноги и быстрым шагом направился к Элэрте. Солнце уже село, а до рассвета надо было сделать еще немало дел, да и поспать тоже было бы весьма полезно...

Однако сбыться в назначенное время планам Сергаала было не суждено. Ранним утром на Элэрту и окрестные земли обрушился ураганный ветер, принесший с собой проливной дождь такой силы, что из окна дома было не разглядеть соседнее здание, хотя то находилось буквально в полутора десятках футов. Сперва Хранитель выругался, глядя на стену ливня за окном, но, поразмыслив, понял, что задержка ему только на руку.

Весь день Волчонок пробегал по городу, приобретая у разных охотников то, чем не успел или не вспомнил обзавестись вчера. Сигурни он за весь день так и не увидел.

Вечером Сергаал паковал вещи, укладывая их так, чтобы занимали как можно меньше места, но чтобы все необходимое в нужный момент оказалось под рукой. От этого занятия его оторвал вежливый стук в дверь. Ногой задвинув разложенную на полу сумку под кровать и быстро накинув покрывало на прочие вещи, он раздраженно бросил:

– Войдите!

Дверь тихонько скрипнула, и в комнату вошла Йенна. Скользнула взглядом по комнате, отмечая и неровно брошенное на стуле покрывало, и торчащий из-под кровати рукав рубашки, и дорожный плащ на вешалке, только вчера извлеченный со дна сундука с вещами, усмехнулась.

– Все же решили ехать, повелитель? – поклонившись, спросила она.

Помявшись, Хранитель решил ответить правду... тем более что лгать было бессмысленно – старшая охотница все прекрасно поняла.

– Да. Слишком самонадеянно с моей стороны ждать, что меня примут и что за мной пойдут, пока я не покажу, что достоин этого, что я – нечто большее, чем просто ожившая древняя легенда, которая запросто может оказаться всего лишь легендой, – проговорил он, открыто глядя Йене в глаза.

Та одобрительно улыбнулась.

– Не обижайтесь, но, я думаю, это верное решение. Когда вы собираетесь покинуть Элэрту?

– На рассвете. Я уже подготовил все, что мне необходимо с собой.

– Сигурни едет с вами?

– Нет. Я отправлюсь один. Не хочу никем рисковать.

– Только собой, да? – чуть насмешливо поинтересовалась охотница.

– В моем предприятии риск для одного гораздо меньше, чем риск для толпы, – уклончиво ответил Сергаал. Ох, и не нравился же ему взгляд Йенны – та явно что-то замыслила.

– Что ж, как скажете, повелитель. Я позабочусь о том, чтобы собрать вам некоторое количество припасов в дорогу.

– Благодарю.

Когда за женщиной закрылась дверь, Волчонок подошел к окну и прижался к холодному стеклу лбом. На сердце было тяжело – ведь он уезжал, даже не попрощавшись и не помирившись с Сигурни...

«Впрочем, помиришься будет проще, когда я вернусь», – сказал он себе и вернулся к сборам.

Йенна не подвела, и за час до рассвета, когда Сергаал седлал коня, она бесшумно вошла в конюшню, неся набитую седельную сумку.

– Здесь припасы на пять дней, – бросила она. – Идите, и да пребудет с вами удача...

– Спасибо вам, – негромко проговорил Волчонок, выпуская ремень подпруги и глядя женщине в глаза. – Берегите этот город и готовьтесь к войне – когда я вернусь, у меня будет достаточно веских аргументов, чтобы убедить даже самых упрямых и недоверчивых в том, что вампиров можно победить.

– Я надеюсь. Берегите себя. Вы нужны нам.

Когда небо окрасилось нежно-розовыми и золотистыми всполохами рассвета, Хранитель был уже на опушке леса. Остановив коня, он окинул прощальным взглядом стены просыпающегося города и улыбнулся. Сергаал знал, что скоро вернется и вернется с победой...

Они нагнали его на закате. Лес вокруг Элэрты на пару дней пути считался достаточно безопасным местом, а потому Волчонок решил побережь коня и ехал не очень быстро – в отличие от троих охотников, пустившихся за ним.

– Сигурни? Мирити? Кейтан? Что вы все здесь делаете? – ошарашенно пробормотал Сергаал, глядя на выехавших на поляну, где он остановился на ночлег, охотников.

– А ты думал, мы отпустим тебя на подвиги одного? – сердито спросила девушка, спрыгивая с лошади. – Вот уж нет. Мы тоже хотим сражаться с вампирами по-настоящему, а не так...

– А если я прикажу вам убираться? – грозно спросил Хранитель.

– Мы не послушаемся, – хмыкнул Кейтан, двадцатидвухлетний охотник и двоюродный брат Сигурни – такой же упрямец, как и она.

– Но ведь Йенна передала вас мне в подчинение, и вы обязаны повиноваться моим приказам!

– А вот и нет! – возразила Сигурни. – Сразу после того, как ты уехал, бабушка объявила, что до твоего возвращения она отменяет тот приказ!

– Ты еще скажи, что она приказала вам следовать за мной!

– Ну... она не запретила.

– Понятно. – Волчонок устало выдохнул. – Она же меня и сдала, да?

– Я и так подозревала. Ты вчера весь день где-то бегал, а потом, когда вернулся домой, был такой мрачно-решительный, что надо было быть полной дурой, чтобы не догадаться, что ты затеял. Я же видела тебя, когда ты только пришел.

– И что мне с вами со всеми делать? – обреченно поинтересовался Сергаал, прекрасно понимая, что от молодежи он не отвертится.

– Либо убить на месте, либо взять с собой, – ухмыльнулся Кейтан.

И по большому-то счету он был абсолютно прав. А так как о первом варианте даже речи быть не могло, то оставалось только и в самом деле, ехать в город вампиров вместе с тремя молодыми охотниками.

Путь до ближайшего города вампиров занял около декады – последние четыре дня передвигаться приходилось только днем и сохраняя максимальную осторожность, а на ночь прятаться. Коней спрятали еще в лесу, привязав их на длинной веревке на поляне возле ручья. Сергаал поставил охранный круг, давая животным шанс остаться незамеченными, но сразу же сказал спутникам, чтобы те не очень-то рассчитывали на комфортное возвращение домой – вероятность того, что лошади останутся в живых, была хоть и высока, но далеко не стопроцентна.

На одиннадцатый день пути Хранитель и охотники вплотную подобрались к городу.

На самом деле назвать это городом было довольно сложно. Вампиры строили свои жилища... то есть рабы-люди строили для вампиров жилища без какой-либо систематизации, просто там, где самим вампирам хотелось. Высокие, в три-четыре этажа здания, окна

в которых днем были наглухо закрыты тяжелыми ставнями, располагались друг от друга порой на расстоянии в полмили. Некое подобие центра города являла собой местная Арена – нечто вроде римского Колизея, где, как пояснил Сергаалу Кейтан, рабы сражались друг с другом на потеху вампирам. Да и не только сражались... Опытные мастера-палачи по несколько часов искусно пытали рабов, заплатив деньги, любой вампир мог сам убить на Арене человека, и так далее – весь спектр развлечений, который только способны были придумать извращенные садисты и любители чужой боли. К полукруглым стенам Арены по нижнему ярусу лепились невысокие сарайчики – временное жилье для предназначенных на заклятие. Там могло содержаться одновременно до ста рабов.

Дальше, у подножия холма, на котором высился этот чудовищный Колизей Аенгроста, находились фермы, на которых выращивали людей. В пищу и на развлечения шли преимущественно самцы – самок использовали для разведения. Нет, при желании можно было приобрести на обед и человеческую самку, но стоило это гораздо дороже.

– Говорят, что их герцог – он живет в другом городе – сам разводит дома *пищу*. Ибо сильно охоч до свеженького, да и женскую кровь любит больше, – тихо шепнул Мирити.

– И с герцогом мы тоже разберемся, – мрачно пообещал Сергаал. – Значит, так. До конца дня сидим тихо и не высовываемся – я чувствую здесь повсюду эту их магию, и то, что в небе солнышко, не облегчает перспективы обратиться в горстку пепла. Конечно, сами кровососы не высунутся днем, но и быть уничтоженным защитным заклинанием тоже не шибко приятно. Как стемнеет, я иду на разведку. Один! И не пререкаться, а то останетесь в этих кустах до самого возвращения в Элрту. Когда вернусь, тогда и будем думать.

– А что мы вообще собираемся делать в этом месте? – уточнил Кейтан, недовольный тем, что ему придется в который уже раз отлеживаться в кустах – сказать по правде, его эти кусты достали до такой степени, что юный охотник готов был уже с голыми руками лезть на вампиров, лишь бы не считать листики на очередном растении, периодически осторожно сгоняя с себя всяческих мелких насекомых – кровососуших, по примеру «старших братьев» из города.

– Уничтожить город, – хищно улыбнулся Хранитель. – Кстати говоря, пока мы все равно здесь валяемся, ты мог бы мне рассказать, почему этого до сих пор не попытались сделать ваши старшие охотники. Не так уж сложно пробраться днем в город, тем более что у вас есть маги, которые способны по крайней мере указать, где расположены магические ловушки. А там уже все просто – ворваться в дома, повытаскивать вампиров на свет божий, и только любоваться, как они превращаются в аккуратные горсточки пепла.

– Хе... Если бы все было так просто, как ты говоришь, повелитель, то этого чертова герцогства Некрополь уже давно не существовало бы! – вскинулся молодой охотник, обиженный за Элрту. – Во-первых, добраться сюда отрядом хотя бы в полсотни охотников – невозможно. Это мы вчетвером могли незаметно проползти, а пятьдесят человек засекут обязательно. Во-вторых, даже если бы это и удалось, то что прикажешь делать с магией? Ну допустим, наши колдуны и смогли бы засечь, где кровососы установили свои ловушки, а что с того? Если ты знаешь, что перед тобой пропасть, это не поможет через нее перепрыгнуть! А даже если бы и удалось проникнуть на территорию самого города, то что делать с нежитью, которая там охраняет все?

– С какой такой нежитью? – удивился Сергаал. Он не заметил никакой охраны в городе вампиров.

– Скелетики всякие, зомбяки и тому подобная дрянь. Ты, может, и неволбленный маг, тебе все нипочем – а наши с этим совладать не могут. Обычное оружие их не берет, и скелеты – это еще ничего, их можно просто расколоть секирой там или тяжелым мечом, а вот зомби – это проблема. Их руби не руби, а пока на шесть частей не разделишь, толку – ноль. Руки отдельно, ноги отдельно, голова и туловище – тоже отдельно. И то, заеваешься – отрублен-

ная голова тебя так за ногу цапнет! Или рука до горла дотянется – тогда вообще пиши пропало, их гнилые пальцы не разжать.

– Ты-то откуда все это знаешь? – поддел Волчонок охотника. – Так рассказываешь, будто сам там был и все это видел.

Юноша покраснел.

– Мне дед рассказывал. Он принимал участие в последнем походе против вампиров и единственный вернулся – конь спас, хороший конь был. Или просто напугался так быстро, что мчал быстрее ветра. Дед так против твоей затеи потому и был, что сам знает, какие города здесь и что шансов нет.

– Ладно, посмотрим, что там у нас с шансами. Давай дальше рассказывай, что тебе дед говорил.

– В-третьих, вот ты говоришь – ворваться в дома и вытащить вампиров на свет. А не так-то это просто! – послушно продолжил Кейтан. – У них и дома охраняются магией, ведь каждый кровосос старше сотни лет – маг! И днем они обычно спят в подземельях, осторожничают – а там такие стены и так коридоры устроены, что как ни крутись – а солнечный свет ты туда не притащишь. А взрослый опытный вампир даже спросонья пару-тройку охотников порвет легко.

– Н-да. Пожалуй, я погорячился с предложением тащить сюда отряд охотников, – задумчиво протянул Сергаал, внутренне усмехаясь. Он уже понял, что присутствие здесь этой троицы ему целиком и полностью на руку.

На лицах Кейтана и Мирити промелькнуло разочарование.

– Что, и вам не справиться с ними? – грустно поинтересовался Мирити.

– Ну почему же. – Хранитель ухмыльнулся. – Просто если бы я притащил сюда эту толпу, охотники были бы заняты пересказыванием друг другу всяких страшилок, чего надо бояться, чего – опасаться, а от чего – просто бежать. А так как я здесь без отряда, то могу спокойно сделать все, ради чего пришел.

– Что именно? – уточнил деловой Кейтан.

– Я же говорил – уничтожить этот проклятый город.

На город опускалась ночь. Едва солнечный диск скрылся за горизонтом и землю окутали сумерки, как на домах и деревьях зажглись яркие многоцветные гирлянды, окрасившие серый, унылый пейзаж праздничными цветами. Вскоре вспыхнули огни на двенадцати башенках Арены, возвещая о ее открытии, загорелись костры между домов – ненавидя солнечный свет, вампиры тем не менее любили огонь. Отворялись наглухо закрытые днем ставни, открывались двери – хозяева жизни и смерти просыпались и начинали новый тур игры со своими жертвами.

Если бы Сергаал заранее не знал, *чей* перед ним город, он вряд ли бы догадался, что имеет дело с вампирами. Хорошо одетые люди, прогуливающиеся в садах, разбитых между домами, вежливо кланяющиеся друг другу, разговаривающие о чем-то... ни крови, ни несчастных жертв, зверски пытаемых на радость вампирам, ничего такого – просто необычный город, только и всего.

Притаившись в развилке огромного вяза, Хранитель ждал полуночи. Он не хотел идти в город раньше времени – боялся пропустить что-нибудь важное. Времени было еще много, маскировку же он уже создал – и потому Волчонок позволил себе немного расслабиться и, прикрыв глаза, погрузился в размышления.

Ему не давал покоя тот разговор с Вивьенном. Сергаал пока что видел очень малую долю всех тех преступлений, что приписывались вампирам, но у него не было повода не доверять словам охотников. Да и сама по себе природа кровососов подтверждала это – чего можно ждать от сильных, безжалостных созданий, питающихся кровью людей? Но Вивьенн

говорил, что на втором острове, Рэйкорне, все обстоит совсем иначе, вампиры живут в симбиозе с людьми, мирно сосуществуя уже долгое время. Несмотря на свое богатое воображение, Хранитель не мог себе представить вампира-кожевника, или вампира-кузнеца, или, тем более, вампира-крестьянина – даже если учесть тот загадочный факт, что жители Рэйкорна не боялись солнечного света. С другой же стороны, Волчонок почему-то подсознательно чувствовал, что Вивьенн не лгал ему. Возможно, все обстоит вовсе не столь радужно и прекрасно, как тот пытался показать, но уж точно не столь кошмарно, как на несчастном Некрополе.

«А что тебе мешает после того, как ты наведешь порядок здесь, лично отправиться в Рэйкорн – инкогнито, разумеется – и собственными глазами увидеть, что именно там происходит?»

«О, привет, Эстай, – меланхолично отозвался Сергаал. – Я уж думал, ты куда-то насовсем делся».

«Насовсем я вряд ли когда-нибудь денусь. А если денусь – то тебе можно будет только посочувствовать».

«Спасибо, утешил».

«Что ты собираешься сейчас делать?» – поинтересовался Меч, игнорируя иронию в голосе Хранителя.

«Спущусь в город, посмотрю, что там к чему. Постараюсь выяснить, кто здесь главный. Потом вернусь к своим и буду планировать нападение».

«Не боишься здесь детишек положить?»

«Нет. Непосредственно в атаку я пойду один, предварительно опробовав над городом одно интересное заклинание... А ребятам оставлю штук шесть полудохлых вампирчиков, которых они смогут без особых потерь разделать себе в удовольствие».

«Однако какой ты уже крутой маг! – язвительно заметил Эстай. – Здесь около трех сотен взрослых, опытных вампиров, половина из них владеют магией, хоть и на не особо высоком уровне. Может, даже найдется пара-тройка действительно серьезных магов. Это не говоря уже о нежити, которая тоже немало стоит в бою, и о людях – впрочем, этих ты, наверное, и вовсе в расчет не берешь!»

«Подожди, о каких людях ты говоришь? Насколько я понял, эти „домашние животные“ вампиров не представляют ни малейшей угрозы ни для своих хозяев, ни для нас».

«А ты никогда не задумывался о том, как вампиры размножаются? – Меч усмехнулся. – Вампиры не могут иметь детей. Но тем не менее их поголовье если не растет, то, по крайней мере, не уменьшается – несмотря на то что охотники обоих городов прилагают все усилия для уменьшения их численности».

«Так они что, как вампиры из легенд – обращают укусом?» – поразился Сергаал – и тут же обругал себя последними словами. За столько времени уж можно было бы выяснить, как именно размножаются кровососы... Да и Вивьенн в свое время просил передать Сигурни, что ей ничего не грозит – он всего лишь сделал несколько глотков!

«Дошло наконец, – хмыкнул Меч. – Насколько мне удалось узнать, будущих вампиров особым образом натаскивают и на той же Арене, и просто в жизни. Им надо доказать свою преданность вампирам и показать, что они достойны чести войти в их ряды!»

«Вот оно что...»

Волчонок задумался. В голове стремительно складывался новый план.

В город Хранитель вошел незамеченным. На этот раз он не маскировался под вампира, сделав себя даже не невидимым – просто незаметным, не привлекающим внимания.

Немного побродив по городу, Сергаал отметил, что вампиры и немногие встреченные им люди начинают понемногу стекаться к Арене. Поразмыслив, он отправился следом за ними.

«Эстаи, а как здесь различают людей по статусу?» – поинтересовался он по дороге.

«Очень просто. Свободные – то есть кандидаты в вампиры – носят стальные ошейники, закрывающие горло, рабы ходят обнаженными по поясу, а принадлежащие кому-либо „животные“ – это те, которые в кожаных ошейниках с застежками».

«Понятно. То-то обладателей стальных ошейников так мало».

Высмотрев одного из таких «кандидатов», Волчонок двинулся следом за ним. Оказавшись в тени большого четырехэтажного здания, Сергаал быстро догнал намеченную жертву и опустил руку тому на плечо.

Человек обернулся – и последним, что он увидел в своей жизни, был увесистый кулак отставного лейтенанта, спустя мгновение вогнавший его носовой хрящ в мозг.

Через несколько минут Хранитель, переодетый в одежду кандидата в кровососы и нацепивший на себя его личину простой иллюзией, смешался с потоком вампиров и людей, уверенно движущихся к Арене.

«Что ты задумал?» – осторожно поинтересовался Меч, в его голосе молодой человек с удовольствием уловил некоторую нервозность.

«Ничего слишком опасного. До утра меня не ждут, а к тому времени я планирую освободиться», – с усмешкой отозвался Сергаал, старательно закрывая свой безумный план от порой не в меру осторожного Эстаи.

«Ну-ну». – Кажется, тот не очень-то поверил.

Внутри Арена оказалась поделена на сектора. Не особо переживая – все же «его» социальный статус в городе был максимально высок для человека, – Волчонок присоединился к таким же кандидатам, коих набралось всего десятеро.

Ждать пришлось еще долго. Зато он убедился, что опасность быть раскрытым действительно невысока – люди, вместе с которыми ему пришлось ждать, не только не горели желанием пообщаться поближе, но и смотрели на него, как на злейшего врага – как, впрочем, и друг на друга.

«Если уж ты сюда невесть зачем полез, то будь так добр – держи себя в руках, что бы ни происходило, хорошо? – неожиданно встревоженно проговорил Меч. – Ты достаточно неплохой Хранитель, чтобы мне не хотелось терять тебя, да еще и так по-глупому».

«Хорошо. Что ты такого узнал?» – чуть настороженно уточнил Сергаал. Тон Эстаи ему не понравился – Меч явно ожидал, что произойдет нечто... не очень хорошее. Очень *не* хорошее, если ближе к истине.

«Узнаешь, когда время придет, – уклончиво отозвался тот. – Просто контролируй себя, хорошо?»

«Я постараюсь».

«И... раз уж ты встрял в эту игру, играй до конца, что бы ни пришлось сделать. И не забывай – местные люди уже давно перестали быть людьми. Это просто... животные. Безвольные скоты, живущие только мыслью пожрать, поспать и угодить хозяину. А кандидаты в вампиры...»

«Кандидатов в вампиры я убью вместе с вампирами, – неожиданно холодно и решительно проговорил Волчонок. – Ибо они ничем не лучше, а пока что даже хуже. У кровососов хоть инстинкты, хотя и это не оправдание, а эти... эти сами себе такими быть выбрали, вот пусть и отвечают теперь за свой выбор по всей строгости».

Меч промолчал.

Тем временем на Арене завершались приготовления. В центре посыпанного мелким песком поля установили десять щитов, к ним привязали людей. Рядом поставили стол, на

котором были разложены всяческие мерзкого вида инструменты, отдаленно напоминающие хирургические, но не имеющие ни малейшего отношения к спасению человеческих жизней, скорее – наоборот. Понемногу иссяк поток прибывающих зрителей, вампиры расселись на удобных скамьях с мягкими подушками, расставленных на помостах вокруг самой Арены. Наконец на высокий помост прямо напротив Сергаала поднялся невысокий худощавый вампир, очень броско и ярко одетый. Окинув довольным взглядом зрителей, он трижды ударил в гонг, висевший на том же помосте, и возвестил:

– Я рад приветствовать вас сегодня на Арене, господа! И тем более я рад поздравить вас всех с окончанием очередного турнира среди людей за право стать одним из нас! Именно сегодня, здесь, на Арене, перед вами оставшиеся в живых десятеро кандидатов сразятся за единственную на всех возможность не только не окончить свой жизненный путь, но и обрести могущество и силу, каковые им даже и не снились! И этому захватывающему действу вы, господа, станете сегодня свидетелями. Начинаем!

Главный распорядитель Арены еще раз ударил в гонг. Вампиры на трибунах сдержанно поаплодировали.

– А теперь я обращаюсь к кандидатам. Твари! Сегодня я в последний раз называю вас так, ибо сегодня все вы, кроме одного, умрете – а тот, кто останется, станет с нами на равных. Итак, твари – все ли вы готовы идти до конца? Сейчас у вас еще есть шанс отказаться и умереть быстро и безболезненно.

Отказавшихся не было. А Сергаал, стоя у самого борта арены, начал осознавать, что ему не просто повезло, а повезло сказочно, невозможно, так, как повезти просто не могло. У него был шанс сегодня получить все.

Стать одним из них. Узнать их секреты. Выявить их самое уязвимое место. И ударить, ударить молниеносно и неотвратимо, уничтожить их раз и навсегда!

Тем временем распорядитель объявил первый номер на потеху благородным господам. Вернее, объявил он имя – а что делать, все и так давно знали.

Стоявший ближе всех к Сергаалу высокий нервный мужчина, отзывавшийся на кличку Грак, легко перемахнул через ограду и направился к щитам с привязанными к ним людьми. Обошел кругом, внимательно разглядывая жертвы, выбирая... и остановился напротив полноватого юноши с короткими рыжими волосами. Ухмыльнулся, окинул долгим взглядом набор пыточных инструментов...

Волчонок тысячу раз благословил того, кто поставил временное ограничение на любые действия в последнюю ночь турнира людей – профессионалы могли пытать свои жертвы часами, а здесь каждому надо было уложиться буквально в пятнадцать минут – слишком уж много было претендентов. Но даже за те два часа, что ему пришлось ждать и смотреть на происходящее, Сергаал проникся к кандидатам в кровососы такой лютой ненавистью, что в какой-то момент даже сам себя испугался. В глубине души зарождалось яростное пламя, пока еще сдерживаемое, но...

– Следующий претендент – Райт! – провозгласил распорядитель.

«Эй, приятель, вообще-то это тебя», – почти без злорадства хмыкнул Меч. Сергаал встрепенулся.

Перепрыгнув через заграждение, он подошел к пыточным щитам – благо, осталось их всего два, Волчонок был девятым в списке претендентов. Люди, привязанные к щитам, были в сознании и, кажется, даже понимали происходящее вокруг. Что-то в них показалось Хранителю странным – и, присмотревшись, он понял: младший из приговоренных был похож на старшего, как похожи бывают только близкие родственники.

Он еще в самом начале первого кона решил, что будет делать и как объяснять свои действия. Подошел к столу, не глядя взял широкий тяжелый нож, примерился... и совершенно

случайно поймал взгляд мужчины. Полубезумный и полный лютой ненависти. Сергаал едва заметно покачал головой, примеряя замах – точно в сердце.

На миг глаза мужчины наполнились надеждой. Сергаал коротко, резко швырнул нож – жизнь юноши оборвалась мгновенно. Его отец благодарно опустил ресницы.

А по трибунам прокатился глухой ропот. Распорядитель, помрачнев, жестом подозвал непокорного кандидата.

– Тварь, как ты посмел лишить господ развлечения? Почему ты убил жертву быстро? – строго спросил он, едва сдерживаясь – голос дрожал и едва не сбивался на яростное шипение.

– Скучно, – громко, чтобы все услышали, ответил Волчонок. – Они привязаны. Они не сопротивляются. Они могут только кричать, и то не по-настоящему – давно уже передохли от страха на самом деле. Это скучно. Я не хочу тратить на это время.

Распорядитель, казалось, опешил. Через мгновение, справившись с вызванным такой непредставимой наглостью шоком, он поднял было руку – сорвать с кандидата ошейник и отдать остальным желающим стать кровососами команду «фас» – но в этот миг с одной из трибун раздались негромкие, но уверенные аплодисменты.

– Великолепные слова, юноша, – проговорил просто, но очень дорого одетый вампир, жестом останавливая распорядителя. – Господин Кольенер, я бы хотел, чтобы для этого человека сделали исключение и перевели его во второй кон несмотря на невыполнение первого условия.

– Как прикажете, мой господин. – Вампир Кольенер поклонился и махнул рукой, указывая Сергаалу на широкую скамью, где уже сидели предыдущие восемь претендентов.

Второй кон для трех кандидатов оказался смертельным.

Мускулистый раб, впряженный в тяжелую повозку, выволок на арену стальную клетку на колесах, в которой бесновалась смутно знакомая Хранителю тварь. Напрягшись, он вспомнил – такие водились в том самом лесу, через который им с Сигурни с таким трудом пришлось пробираться на пути в Элрту.

Со своего места поднялся еще один вампир, коротко подстриженный и явно немолодой. Он поднял руку, проговорил несколько странно звучащих фраз – и над ареной едва заметно замерцал прозрачный защитный купол.

Раб отомкнул засов на клетки и тут же бросился бежать. Некоторые зрители даже привстали на своих местах – успеет спастись или нет?

Успел. По трибунам прокатился разочарованный вздох, кто-то, поставивший на то, что раб уцелеет в первый раз, довольно хмыкнул, опуская в карман выигрыш.

Распорядитель объявил первого претендента.

Схватка была короткой и кровавой – Грак был сильным человеком и великолепным воином и разделался с тварью достаточно быстро. Второму тоже повезло.

А вот третья тварь получила неплохой обед из воюющей и дергающейся человечины. Сергаала замутило, когда он заметил, с каким удовольствием на это мерзкое зрелищезирают вампиры... да и кандидаты – тоже, хотя должны были бы понимать, что и сами могут оказаться в хрустящей костями пасти.

Сам Хранитель со своей тварью разобрался быстро – просто вскочил ей на спину и свернул шею, после чего по совету Меча ногтями разорвал шкуру на горле, где не было жесткой чешуи, и сделал несколько глотков, преодолевая отвращение. Эстай как-то выяснил, что кровь твари обладает специфическими способностями – например, выпивший ее на какое-то время не чувствовал боли. В принципе Сергаалу это не особо-то требовалось – но любой подготовившийся к турниру кандидат обязательно использовал бы возможное преимущество, потому пришлось.

Следующие два часа запомнились очень смутно. Были еще поединки и какие-то жертвы, боль и страх в глазах медленно задыхающегося Грака, одобрителный гул трибун. Потом – торги, где несколько вампиров состязались за право обратить столь способного человека, потом победитель торгов – тот самый, что похвалил Сергаала за слова о скуке, – повел свое приобретение куда-то, где несколько рабынь омыли его и переодели в чистую одежду. Потом его отвели в комнату, где была широкая кровать, и уложили. Усталость была настолько велика, что Волчонок отключился почти моментально.

Глава вторая

Аенгрот, город Эгленор, столица королевства Алеарт, Крайнат вар Дарнас, капитан галеры «Любимец Ветра», 2-я декада лета, 2904 год Восьмой эпохи

Некие вольнодумцы-моралисты однажды спросили меня: как же так? Мы – прогрессивная, развивающаяся страна, мы так многого добились и так многого еще добьемся, мы служим примером этому погрязшему во тьме незнания и жестокости варварства миру, мы – лучшие из представителей рода человеческого. Почему же тогда мы позволяем существовать на наших благословенных землях столь ужасному, негуманному и подлому явлению, как рабство? Я горько рассмеялся – почему эти прекрасные дети нашего народа позволяют себе быть столь неграмотными и попросту неумными? Они же продолжали настаивать. И тогда я ответил им: видели ли вы в Алеарте хоть одного человека-раба? Видели ли вы на закрытом, доступном только магам выше пятой ступени, рынке хоть одного представителя нашей расы, выступающего в роли товара, а не распорядителя торгов? Младшие из пришедших ко мне замялись, но их предводитель, вскинув голову, дерзко ответил: да! Я видел человека-раба. И мне стало еще горше – неужели и вправду не понимает? Но и тогда я сдержал свои чувства и пояснил: есть лишь одна раса Людей – маги. И в основном это уроженцы нашей родины, прекрасного Алеарта. Нечасто можно встретить существо, владеющее истинной Силой, рожденное в иных землях и представителями иного народа. Все же остальные представляют собой недоразвитых существ, и для них принадлежать кому-то из избранного народа – великое благо, ибо рабам не запрещено размножаться, а дети их, в большинстве своем, рождаются уже магами, таково божественное свойство нашей земли. Предвидя следующее возражение, я тут же добавил: что же касается магов иных рас, кроме человеческой, – так те рождены, чтобы стать либо нашими рабами, либо нашими врагами. И если мы не желаем погибнуть от рук тех же эльфов, то наш святейший долг – сделать их своими рабами, а силу их подчинить и забрать себе.

*Сарганах вар Маленнит,
третий маг Королевского Синклита
2702 год Восьмой эпохи*

* * *

Если бы посторонний человек оказался в этом помещении, едва ли он подумал бы, что находится в доме для подготовленных на продажу рабов. Небольшие теплые комнатки с кроватями, столами и комодами для личных вещей – невольникам разрешалось иметь что-то свое; разумеется, это не относилось к магическим предметам выше первого уровня. Общая столовая с длинными узкими столами – в которой, надо признать, кормили не хуже, чем в недорогой, но и не самой дешевой таверне. Две врачебные комнаты, где круглосуточно дежу-

рили молодые ведьмы-целительницы, способные справиться почти с любой мелкой болячкой и имеющие возможность при необходимости вызвать квалифицированного опытного врача. Просторный внутренний двор с садом и чем-то вроде тренировочной площадки – правда, обнесенный высокой, в три человеческих роста, оградой.

В общем, сложно было бы заподозрить в этом пусть и несколько безликом и казарменном, но все же довольно неплохо обустроенном и даже относительно уютном здании Дом невольников. Скорее уж в голову пришли бы мысли о каком-то приюте или платной больнице.

Вот только подобное впечатление оставалось ровно до того момента, пока предполагаемый посторонний посетитель, не знающий, где он находится, не оказался бы на подвальном этаже зданий. Там неподготовленного человека – или же нечеловека – ждало бы отвратительное, шокирующее зрелище.

Впрочем, Крайнат вар Дарнас, капитан галеры «Любимец Ветра», считал, что он прекрасно знает, что скрывается за выкрашенным в приятный светло-бежевый цвет забором Дома невольников – как на верхних и цокольных этажах, так и в подвале, куда слабонервным заглядывать не рекомендовалось.

Остановив своего сиреневого керлата у ворот, капитан спешился, щелкнул пальцами – животное, призванное магом на определенное время, с легким хлопком исчезло. Крайнат подошел к высокой узорчатой калитке и трижды постучал.

– Мы рады приветствовать вас, уважаемый маг, – прозвучал спустя несколько секунд мелодичный, но какой-то неживой женский голос. – Будьте любезны, назовите свое имя и цель визита.

– Капитан вар Дарнас, – ответил посетитель. – С личным визитом к господину Саллану вар Айреналу. Он должен быть предупрежден о моем приходе.

Последовала краткая пауза, и через несколько секунд внутри что-то тихо щелкнуло, и калитка отворилась.

– Господин вар Айренал ждет вас, капитан, в своем кабинете на четвертом этаже.

Не поблагодарив – какой смысл разговаривать со сторожевым заклинанием? – Крайнат прошел во двор, машинально отметив, что калитка за его спиной мгновенно закрылась.

Быстрым шагом капитан пересек ухоженный, красивый двор, скользнул взглядом по трем молодым людям, разминающимся на тренировочной площадке – натренированный взгляд сразу отметил узкие ошейники рабов на их шеях и символы на них, означающие класс и уровень невольников, и поднялся по ступеням широкого крыльца. У двери последовал разговор еще с одним сторожевым заклинанием, после чего вар Дарнаса пропустили наконец в сам дом, где его встретила молодая ведьма четвертого уровня – явно практикантка из Университета.

– Капитан вар Дарнас? – уточнила она, бросив на вошедшего небрежный взгляд.

– Да. Я к...

– Я знаю, – перебила его девушка. – Господин вар Айренал ждет вас в кабинете на четвертом этаже. Вы знаете дорогу?

– Да, – сквозь зубы прошипел Крайнат, чувствуя, как в его душе поднимается волна ненависти к этой чертовой ведьмочке, которая ничем не лучше его – но имеет возможность спокойно жить в столице и иметь неплохой заработок, практически не прилагая никаких усилий – и только потому, что достигла четвертого уровня, даже не закончив учебу. А он навсегда ограничен третьим уровнем и вынужден зарабатывать на безбедную жизнь силой и хитростью, постоянно рискуя оказаться на том свете. Спасибо еще, лицензию на охоту дали, но ведь и она досталась с большим трудом и за немалую сумму.

Усилием воли погасив в себе ярость, Крайнат поднялся на четвертый этаж, где находились комнаты свободных обитателей дома невольников – служанок, целительниц-прак-

тиканток, если они жили слишком далеко, и прочей обслуги, а также кабинет владельца. Быстрым шагом вар Дарнас пересек коридор, подошел к нужной двери, поднял руку, чтобы постучать...

– Входите, капитан, входите, – раздался добродушный голос пожилого уже человека. Крайнат тихо выругался, про себя проклиная чертовых магов высокого уровня, способных то ли видеть сквозь стены, то ли зреть ближайшее будущее, и вошел.

– Добрый день, господин вар Айренал, – поклонился он, соблюдая внешние правила приличия.

– Добрый, добрый, мой дорогой капитан, – поднялся ему навстречу хозяин кабинета – и всего Дома. – Кстати, совершенно ни к чему подозревать меня в талантах к предвидению или проникновению взгляда. Я всего лишь скромный телепат не слишком высокого уровня и еще более скромный обладатель средств связи с подчиненными, по которым мне докладывают, кто же ко мне пожаловал. – Седой мужчина с добрыми глазами и мягким, каким-то безвольным ртом ласково улыбнулся Крайнату – вот только капитану явственно показалось, что ему доброжелательно улыбается смертельно опасная змея. – И, чтобы окончательно развенчать ваши подозрения, мой дорогой друг, скажу еще, что я прекрасно слышу – а у вас, как у любого моряка, на суше довольно своеобразная и шумная походка.

– Прошу меня простить, господин вар Айренал, но у меня не так уж много времени, – холодно процедил посетитель. – Поэтому я был бы крайне благодарен вам, если бы мы поскорее перешли к делу.

– Эх, молодежь, ну куда же вы все время торопитесь? – посетовал маг, но глаза его стали серьезными. – Что ж, хорошо. Давайте выйдем на балкон, выпьем по бокалу холодного хариса – он особенно хорош в такую жару – и обсудим наши с вами дела.

Спустя пять минут двое мужчин сидели в плетеных креслах у невысокого столика и пили прохладительный напиток из замороженных, размельченных фруктов и белого вина.

– Я надеюсь, вы не подвели меня, капитан, – негромко проговорил Саллан вар Айренал. – В противном случае...

– О чем вы говорите, господин вар Айренал? – удивленно вскинул бровь Крайнат. – Разумеется, я достал Та...

– Не надо вслух! – резко одернул его побледневший маг. – Просто передайте мне это – и можете считать вашу лицензию подписанной.

– И датированной прошлым месяцем, – прищурился капитан. Саллан кивнул, напряженно сжимая подлокотники кресла. – Что ж, хорошо. Забирайте ваше... сокровище. – Он откинулся на спинку, закрыл глаза и сосредоточился, потянувшись всем своим существом к затаившемуся под кожей артефакту. Своих сил у слабенького мага, едва-едва сдавшего экзамен на третий уровень, на столь сложное и энергоемкое заклинание не хватило бы, пришлось пользоваться Серебряной Сетью, способной удерживать и скрыть от чужих глаз магический предмет любой силы. Всем хороша была эта Сеть, кроме того что через артефакт могла использоваться только будучи вживленной в тело мага, а процедура вживления была не из приятных.

Найдя узловые точки заклинания, Крайнат осторожно отцепил их от собственного канала жизненной энергии, потом – от энергии магической и наконец запустил процесс отделения от физического тела. Здесь требовалась уже помощь на грубом физическом уровне – капитан взял лежащий на столике узкий и очень острый нож и, сжав зубы, вонзил лезвие глубоко в руку, в четырех дюймах от запястья. Тихо зашипел от боли и повел нож выше, к локтю, прорезая плоть до самой кости. Сделав разрез длиной около трех дюймов, Крайнат с всхлипом выдернул нож из раны, тут же схватил лежащий на том же столе пинцет – слава Силе, Саллан все подготовил! – и вытащил из кровоточащей раны выполненную из тончайших серебряных нитей небольшую сеточку и бросил ее на поднос.

– Прекрасно, друг мой, просто великолепно! – Старый маг чуть ли не в ладоши хлопал. – Вам помочь с раной или сами справитесь? – поинтересовался он, с деланной тревогой глядя на смертельно бледного капитана.

Тот едва подавил желание прямо здесь и сейчас вцепиться в глотку проклятому колдуну – ведь знает, что сам вар Дарнас в целительстве полный профан!

– Помогите, сделайте милость! – ненавидяще прошипел Крайнат, уже чувствуя начинающуюся от потери крови слабость.

– Конечно, конечно, мой дорогой друг, вы же мне еще нужны, – осклабился вар Айренал, с лица которого слетело все напускное дружелюбие. – Давайте вашу бедную руку.

Спустя несколько минут все закончилось, и о жуткой операции, которую капитану пришлось проделать с собой, напоминал только бугрящийся сизый шрам – впрочем, Саллан обещал, что к завтрашнему дню и его не останется.

– Вы прекрасно поработали и заслужили свою награду, – проговорил старый маг, убирая драгоценную Сеть и протягивая вар Дарнасу широкий конверт и объемистый кожаный мешочек. – Здесь ваша лицензия – подписанная месяц назад, как вы и просили, и ваш гононар за проделанную работу – пятьдесят больших кристаллов.

– Вот и хорошо, – пробурчал все еще бледный и не до конца пришедший в себя Крайнат. – Кстати, первую партию я хотел бы сдать уже сегодня.

Саллан удивленно посмотрел на собеседника.

– Однако вы быстро, друг мой! И что же вы хотите мне предложить?

– Эльфы, господин вар Айренал, – ухмыльнулся теперь уже лицензированный охотник на живой товар и продолжил, с наслаждением глядя на то, как вытягивается лицо мага. – Темные эльфы. Девять штук. Три женщины, шесть мужчин. Практически целые, а кто не очень – так тех ваш местный целитель быстро приведет в порядок. Берете?

– Вы в который раз меня поражаете, друг мой, – восхищенно вымолвил Саллан. – Разумеется, я возьму эту партию. Предлагаю о цене поговорить позже, когда я смогу осмотреть товар.

– Как скажете. Я уже отдал распоряжение доставить их сюда через... – Крайнат бросил быстрый взгляд на плоский кристалл на запястье. – Через два часа они будут здесь. А пока что мне очень хотелось бы немного отдохнуть... в приятной компании.

Вар Айренал понимающе улыбнулся – и уже через двадцать минут капитан нежился в объятиях двух молодых и очень красивых девушек и думал о том, что не так уж и высока плата за все то, что он теперь имеет...

Аенгрост, город Эгленор, столица королевства Алеарт, Мария Сантьяго Рикка, носитель Духа Предела, 2-я декада лета, 2904 год Восьмой эпохи

Клетку едва заметно покачивало, словно бы на волнах. Марийа даже в какой-то момент подумала, что все еще находится на корабле, но тут же вспомнила звуки порта большого города, незнакомый говор окружающих ее людей, скрип тележных колес и странное ржание лошадей. Нет, она была не на корабле, больше того, теперь архатис Тирэн'лай не имела над ней никакой власти – вот только ведьма совсем не была уверена, что все повернулось к лучшему.

Прикованные к специальным стальным перекладам руки затекли и немилосердно болели, чуть пережимающий шею узкий ошейник мешал дышать, а живот сводило от голода. С другой стороны, теперь ей не угрожала почти неминуемая и очень скорая смерть – по крайней мере, девушка на это надеялась.

Вот только проклятый ошейник, не дающий даже связаться с Эстай, по-прежнему оставался на ней. Вот только руки и ноги по-прежнему скованы, и нет никакой возможности хотя бы попытаться отбиться врукопашную. Вот только Тирэн'лай, Ларра'ти и еще шестеро эльфов с «Ласточки» здесь же, и уж они-то позаботятся о том, чтобы ошейник оставался удавкой на горле Носительницы Духа Предела, Черной Твари, как они ее называют. И даже на Ларра'ти надежды нет – он такой же пленник, как и она сама, и не может ничего – даже той малости, что был способен сделать для нее на борту шхуны.

Вспомнив заботу эльфа-лекаря – неумелую, чуть испуганную, но в то же время – такую нежную и добрую, – Марийа не смогла сдержать слабой улыбки. Темный эльф приходил к ней каждый день на протяжении всего их недолгого плавания, приносил что-нибудь вкусное, часами просто сидел рядом и разговаривал – как правило, рассказывал что-нибудь из истории или просто байки и случаи, которым был участником, свидетелем или же просто слышал от кого-нибудь. Расчесывал ее волосы и сетовал, что они такие короткие и процесс расчесывания занимает так мало времени, а после этого принимался заплетать их в сотни коротеньких, тонких косичек и тут же расплетал и расчесывал заново... Пока не приходил кто-нибудь, чуть испуганный и нервный, и не говорил, что «дана архатис срочно требует вас к себе, и она очень рассержена...». Тогда Ларра'ти со вздохом вставал, расплетал оставшиеся косички, если они еще были, и говорил, что придет как можно скорее... А Марийа, злая на весь мир и не верящая уже никому, только шипела на него, как рассерженная кошка, и ничего не говорила – она вообще с ним не разговаривала, хотя и слушала с удовольствием. Ларра'ти грустно улыбался, нежно гладил ее по волосам и следовал за начинающим уже терять терпение посланником Тирэн'лай. Девушка же вновь оставалась одна и только тогда она позволяла себе свернуться клубочком, насколько позволяли недлинные цепи, и тихо поплакать от страха, внутреннего холода, одиночества и боли...

Впрочем, это продолжалось всего пять дней, хоть ей и казалось, что прошло не меньше месяца. Потом корабль попал в шторм, ветер изорвал паруса, сломалась одна из мачт, погибли двое эльфов... А на следующий день после шторма, когда измученная и уставшая команда понемногу приводила шхуну в порядок – насколько это было возможно, – рядом внезапно появилась словно бы из ниоткуда алеартская галера. Видимо, капитан ее был либо очень сильным магом, либо не жалел денег на магическое снаряжение – его корабль долго был под заклинанием невидимости высокого уровня, и увидели галеру только тогда, когда в борт «Ласточки», безжалостно кроша дерево, впились хищные абордажные крючья.

Тирэн'лай не успела уничтожить шхуну – ее настигло заклинание кого-то из нападавших, и архатис парализованная рухнула на палубу. Многие из эльфов успели прыгнуть в воду – и практически все они погибли, едва ли кому-нибудь удалось уцелеть. Сама же Тирэн'лай была взята в плен вместе с Ларра'ти, Марийей и еще шестью членами экипажа.

Охотники с галеры действовали слаженно, чувствовался профессионализм и немалый опыт. Никто не пытался грабить раньше, чем капитан отдал приказ вынести все ценное с шхуны, никто не приставал к девушкам, хотя по глазам моряков было видно, что они вовсе не против поразвлечься, да и вообще – на галере царила строгая дисциплина. Эльфов отвели в один трюм, явно обустроенный для перевозки пленников, приковали на длинных цепях и оставили, не слушая вычурных проклятий и ругательств в собственный адрес. Через несколько часов в камеру – а иначе это небольшое помещение с цепями и колодками, запирающееся только снаружи на мощный металлический засов, назвать было нельзя, спустился капитан. Молодой на вид человек с короткими темными волосами и взглядом матерого хищника, готового рвать на части за добычу, но с презрением относящегося к убийству ради удовольствия, представился, назвавшись Крайнатом вар Дарнасом, капитаном «Любимца Ветра», сообщил, что отныне все девятеро, по законам Алеарта, действующим на борту галеры, являются его собственностью до тех пор, пока их не купит кто-нибудь еще. Также

капитан поинтересовался, нет ли у кого-нибудь из пленников особых пожеланий или же необходимых потребностей – например, если кому-то нужен врач, то об этом стоит сообщить сейчас, он обязательно пришлет своего бортового целителя. Впрочем, поняли его тираду лишь трое – Тирэн'лай и Ларра'ти, худо-бедно знавшие алеартский и христесарский языки, и Марийа, которой Эстай на всякий случай вложил в память все распространенные наречия Аенгроста. Архатис в ответ на предложение вар Дарнаса высокомерно промолчала, не удостоив человека и взглядом, Ларра'ти очень вежливо посоветовал капитану засунуть свои любезности в одно место. Марийа же, решив искать хоть какой-нибудь путь ко спасению, слабо улыбнулась и тихо попросила дать ей напиток. Пожелание девушки было выполнено через несколько минут, но на дальнейший контакт капитан пошел только на следующий день, заявившись в камеру в сопровождении двух матросов. Те отвязали Тирэн'лай, сковали ей руки за спиной и увели куда-то.

Вернули эльфу только через три часа. Внешне совершенно невредимая, архатис кусала губы и сжимала кулаки, вонзая ногти в ладони, а когда ее приковывали обратно к стене, все же не сдержала стон боли – видимо, ее били, причем жестоко, но так, чтобы не осталось синяков. Следующим был Ларра'ти. С мужчиной церемонились не так, и когда его вновь привели, красивое лицо лекаря превратилось в сплошной кровоподтек. Потом настала очередь самой Марийи...

Ее притащили в каюту капитана и бросили перед ним на колени. Тот приказал снять с ведьмы повязку – и только вздрогнул, увидев шрамы на месте глаз. Потом начался допрос. Вар Дарнас хотел знать все – начиная от маршрута «Ласточки» и имен членов экипажа и заканчивая полным списком кораблей, уничтоженных командой шхуны. От этих вопросов девушке удалось отделаться довольно легко – она сумела убедительно доказать, что появилась на корабле недавно, видела только один бой, названий галер не запомнила, и так далее. Потом капитан перешел к более сложным вопросам. Почему ее собственные сородичи держали ее скованной? Зачем на ней блокирующий магию ошейник? Почему гордая архатис прямым текстом заявила, что готова отдаться капитану прямо здесь и сейчас так, как он захочет, а потом до конца жизни ублажать весь его экипаж, лишь бы он послушал ее и уничтожил маленькую и такую безобидную на вид пленницу? Марийа рыдала и убеждала капитана, что понятия не имеет, в чем дело, почему ее так и за что ее так, а потом, после нескольких ошутимых ударов, «призналась», что все дело в одном из убитых эльфов, в которого была влюблена Тирэн'лай, но который предпочел Марийю, и архатис просто мстила девушке. Как ни странно, вар Дарнас легко принял эту незамысловатую ложь. Хранительница втайне надеялась, что с нее снимут ошейник – но капитан все же решил не рисковать. Поняв, что от этой пленницы более ничего важного не узнать, он приказал бросить ее обратно в камеру.

Больше эльфы с капитаном не встречались до самого прибытия в порт Алеарта, куда галера дошла на удивление быстро – за каких-то четыре дня. Ларра'ти ругался сквозь зубы и проклинал «траханых магов и их магические штучки», Тирэн'лай продолжала молчать.

Когда корабль прибыл в порт, капитан лично проследил, чтобы эльфов перевели в большую клеть и тщательно приковали, после чего убедился, что клеть затянута непрозрачной тканью достаточно плотно и снаружи не видно, что находится внутри, а затем ушел, предвзвешенно приказав доставить добычу по какому-то адресу через четыре часа. И теперь клеть, мерно покачиваясь, везла Хранительницу в какую-то новую часть ее жизни, о которой пока что девушке думать было немного страшно. А с другой стороны... Пусть только снимут с нее этот проклятый ошейник, тогда-то она покажет всем, что бывает с теми, кто смеет вставать на пути Черной Ведьмы!

Наконец телега остановилась. Возница спрыгнул с козел и постучал в ворота. Не с той стороны, к которой несколько часов назад подошел Крайнат вар Дарнас, а с так называемой

«рабочей», куда подъезжали подводы с продуктами и всяческими необходимыми вещами, а также – с новыми поставками рабов.

Последовал короткий разговор с охранником – в отличие от парадного входа, здесь дежурили живые маги, – после которого ворота распахнулись, и телега с клетью въехала на задний двор Дома невольников. Клетка немного постояла спокойно, потом ее подняли и куда-то плавно понесли. Через несколько минут ощутимо тряхнуло, и кто-то сорвал затягивающую решетки ткань.

– Выводите их по одному! Сперва женщин, – раздался чей-то спокойный, почти доброжелательный голос.

Марийа почувствовала, как ее тела что-то коснулось – и в следующее мгновение поняла, что полностью парализована и не может пошевелиться. Щелкнули, расстегиваясь, ручные и ножные кандалы, тело ведьмы вдруг стало безвольным, как тряпка. Ее перенесли на холодный стол, там вновь приковали. Потом те же операции проделали с Тирэн'лай и еще одной эльфой, потом настал черед мужчин. Через десять минут все пленники были растянуты цепями на одинаковых металлических столах.

И только тогда Марийе почему-то стало по-настоящему страшно.

– Господин вар Айренал, позвольте задать один вопрос? Он не то чтобы очень важный, просто мучает меня уже давно, – проговорил Крайнат, с некоторым отвращением разглядывая прикованную к специальному станку эльфу, над которой возились двое работников.

– Спрашивайте, друг мой. – Владелец Дома невольников пребывал в приподнятом настроении – он наконец-то получил то, за чем так давно охотился, и в придачу – прекрасную партию рабов – темных эльфов, которые так высоко ценились в столице. – И, кстати, называйте меня просто по имени – к чему нам лишний официоз?

– Как скажете, Саллан, – вежливо улыбнулся вар Дарнас, скрывая за этой вежливостью глубочайшее омерзение к собеседнику. – Скажите, зачем эта... двойственность в отношении к рабам? Там, наверху, все красиво и картинно, отдельные комнатки и мягкие кровати, неплохо кормят и есть возможность погулять в саду... а здесь – пытки и издевательства. Ладно, я понимаю ритуал магического клеймения или наказание строптивых рабов. Но зачем, например, эти жуткие приспособления для... гм... осмотра женщин? Помимо всего прочего, это еще и незаконно. Излишние издевательства над невольниками запрещены.

Вар Айренал рассмеялся.

– Сразу видно, друг мой, что вы далеки от науки, именуемой психология. И, увы, никогда не станете чем-то большим, чем капитаном охотничьей галеры, пусть даже и лицензированным. Дело в отношении. Понимаете ли, до меня Дом невольников принадлежал другому магу, который придерживался известной мягкости по отношению к товару. И что получалось? Наглые, непослушные, а то и попросту никуда не годные рабы! Тварь должна знать свое место, друг мой, а место ее – у ног хозяина, и никак иначе. Я все надеюсь добиться запрета на размножение рабов, за исключением особых случаев. Так вот, если твари позволять слишком многое – она, чего доброго, возомнит себя равной Магу! А этого допускать нельзя. То, что вы сейчас видите, называется первичной обработкой. Посмотрите, вон стоит человек в синей форме, который распоряжается, что и с кем сделать. Он, если можно так сказать, главный в этом месте. Маг, специализирующийся на эмпато-телепатии. Редкий экземпляр, надо сказать... На самом деле, давно хочу сделать так, чтобы эту школу запретили – слишком уж никчемными являются ее выпускники. Они, видите ли, не желают иметь рабов, например, и даже пытаются добиться искоренения рабства – видите ли, рабам тоже больно! Да какая разница, каково рабам? Они же твари, предназначенные для того, чтобы делать нашу с вами, мой дорогой друг, жизнь ярче и проще! Так вот, этот маг – он довольно редкий экземпляр. Садист и мазохист одновременно. Ему очень нравится и причинять, и

испытывать боль. Но парню не повезло – редкий генетический сбой, очень восприимчив к физической боли и даже от простого удара хлыстом теряет сознание. А тут ему хорошо – он обрабатывает рабов, удовлетворяя свои потребности садиста, и тут же ощущает все, что ощущают они, тем самым удовлетворяя свои потребности мазохиста...

Крайнат почувствовал, что его начинает тошнить. Саллан с таким удовольствием рассказывал все это, что сразу становилось ясно – маг и сам садист, и наивысшее наслаждение для него – замучить кого-нибудь до полусмерти.

«Все-таки я ублюдок, – задумчиво констатировал вар Дарнас. – На что я обрек этих несчастных эльфов? Свет и Сила, ну что за паршивый мир вокруг?»

– Так вот, задача моего дорогого эмпата – считать мысли и ощущения рабов и выяснить, кто из них чего боится больше всего на свете. А потом... хотите посмотреть?

– Нет-нет, спасибо! – поспешно отказался капитан, продолжая чувствовать себя последней тварью.

– Ну не хотите, как хотите. В общем, с его помощью специально обученные заплечных дел мастера ломают рабов, превращая их в покорных, послушных и довольно полезных животных.

– Благодарю за ответ, Саллан, – торопливо проговорил Крайнат. – Простите, но мне, пожалуй, пора. Давайте поднимемся наверх и решим финансовый вопрос.

– Куда же вы все торопитесь, друг мой? Может, все же задержитесь? Поверьте, здесь есть на что посмотреть! – Маг выглядел огорченным.

– Простите, но нет. – Голос вар Дарнаса почти не дрожал, но кто бы знал, чего ему это стоило! – Мне и правда нужно спешить.

Вопрос с оплатой решили быстро – капитан понимал, что соглашается на меньшую сумму, чем мог бы рассчитывать, но очень уж сильно было желание поскорее убраться из этого кошмарного места. Теперь-то он понимал, насколько смешной и нелепой была его уверенность в том, что уж он-то знает, что здесь происходит на самом деле.

Выйдя на улицу, Крайнат даже не стал призывать керлата – его руки дрожали, и напутать с заклинанием сейчас ничего не стоило, а последствия это могло иметь весьма печальные. Так что едва за капитаном захлопнулась калитка, как он самым быстрым шагом, каким только мог, двинулся прочь, подальше от ужасного дома. Крик слепой эльфы до сих пор жутким эхом звенел в голове.

В этот вечер Крайнат позволил себе то, что давно уже самому себе запретил – он напился до полной потери сознания. Но и это не помогло – всю ночь вар Дарнаса, скованного тягостным хмельным сном, преследовали крики жертв и холодная, змеиная усмешка палача-эмпата.

Глубокое забытье отхлынуло тяжелой волной, словно вода, в который раз разбившись о камни, разочарованно скользнула обратно в море, готовясь к новой атаке неприступного берега. Марийа резко села на кровати, давя крик – слишком свежи были воспоминания о том, что происходило после того, как ее доставили в этот тысячу раз проклятый Дом невольников. Яркие, четкие, тошнотворно-подробные картины того, что делали с ее телом, вспыхнули перед внутренним взором, девушку затрясло...

Ведьма сжала зубы и вонзила ногти в ладони. Нет уж, она не будет молить о пощаде! Черта с два у них получится! Хотя... Если надо будет – станет и просить, и делать все, что прикажут, – но только для того чтобы выбраться отсюда! А вот когда выберется – каждый из этих проклятых палачей будет молить о пощаде, и каждый захочет оказаться на месте своих жертв, лишь бы не...

Что заключалось в этом «не», Марийа пока что не знала. Зато она была уверена: что бы это ни было, оно будет по-настоящему страшно. А пока что надо изображать покорную и

сломленную рабыню, готовую на все, лишь бы не отправляли снова к этому жуткому человеку, во взгляде которого пугающим образом смешались желание сделать как можно больнее и собственное наслаждение ощущаемой болью.

Открыв глаза, Марийа огляделась. Она находилась в крохотной комнатке, в которой из мебели был лишь невысокий комод с зеркалом над ним, кровать, на которой девушка лежала, стол у окна и стул возле него. За окном виднелись раскидистые деревья – комната располагалась не ниже чем на третьем этаже.

Внезапно она замерла, поймав странное ощущение. Что-то было не так. Непонятно, непривычно – но очень, очень приятно. Только спустя несколько томительно долгих секунд девушка поняла – она *видела* обстановку комнаты!

Боясь поверить, ведьма коснулась пальцами лица. Шрамов не было, и она снова видела! Вскочив с кровати и уже мимоходом удивившись тому, что после всего, что с ней сделали, она еще может ходить, Марийа кинулась к зеркалу. Все верно! Глаза были на месте, и она прекрасно видела! Да и жуткие рубцы, уродовавшие бок, живот и бедра, бесследно исчезли.

«Что ж, спасибо вам, господа палачи! Вот только не думайте, что это облегчит вашу участь!» – мысленно расхохоталась Хранительница.

Тщательно осмотрев себя, она убедилась, что на теле нет не только следов пережитого в подвале, но и всех застарелых шрамов, даже оставшегося с детства рубца под коленом. Ее тело выглядело идеально... и что-то в этом было пугающее.

Но самое обидное, что треклятый ошейник до сих пор плотно охватывал горло. Марийа в который уже раз попыталась его расстегнуть, порвать, сломать – но все без толку...

Вдруг дверь бесшумно отворилась. Эльфа – а она теперь ассоциировала себя только с этой расой – мгновенно отпрыгнула в сторону, принимая боевую стойку, и только после этого бросила взгляд на вошедшего.

Вернее, вошедшую. На пороге комнаты стояла красивая брюнетка с коротко подстриженными волосами, в облегающих лосинах, высоких сапогах, рубашке, шнуровка которой была чрезмерно откровенно распушена. В правой руке девушка сжимала длинный черный стек.

– У тебя десять минут на то, чтобы привести себя в порядок и одеться, – сухо проговорила она. – Одежда в нижних ящиках комода, косметика, расчески и побрякушки – в верхнем. Не успеешь – пеняй на себя. Быстро! – И брюнетка вышла, напоследок одарив Марийю взглядом, полным ледяного, высокомерного презрения.

Зло прошипев ей вслед проклятие, ведьма открыла комод и быстро выбрала одежду. Пока что она будет покорной, да, будет! Но потом...

Когда черноволосая колдунья вошла в комнату второй раз, эльфа уже закончила. Из всех непристойных нарядов, что предлагались ей на выбор, девушка предпочла широкие штаны из полупрозрачной ткани с резинками на щиколотках и довольно узкую ленту-лиф, едва скрывающую грудь – зато из плотного материала. Поверх этого откровенного лифа Марийа накинула длинную рубашку без застежек, сделанную из той же газовой ткани, что и штаны. Украшениями и косметикой она пренебрегла.

Брюнетка окинула ее придиричивым взглядом, хмыкнула и велела идти следом за ней. Ведьма покорно подчинилась.

Провожатая отвела «рабыню» в просторное помещение с широкими, светлыми окнами, залитое солнечным светом. Там уже были почти все эльфы с «Ласточки» и еще двое темных, которых она не знала. Также в зале находился высокий молодой человек с непроницаемым лицом, затянутый, несмотря на то что было достаточно жарко, в черный кожаный камзол с высоким воротником, сжимающий в руке такой же стек, как у брюнетки. Он быстро осмотрел всех и выстроил по какому-то принципу у стены. Справа от Марийи ока-

зался Ларра'ти, на лице и теле которого не было уже следов страшных побоев, которым эльф подвергся на корабле, стоящего слева она не знала.

– Стоять ровно, не разговаривать, не совершать лишних движений, – коротко отчеканил человек в камзоле. – В глаза не смотреть, демонстрировать покорность. Все ясно? За невыполнение отправитесь в подвал.

Ларра'ти вздрогнул, но только крепче стиснул зубы. Второго эльфа затрясло. Ведьме же вдруг перестало быть страшно. То ли сил бояться уже не было, то ли подсказывала шанс верная интуиция...

В залу вошли двое – вчерашний пожилой маг с масляно-добрыми глазками и повадками мерзкой гадюки и высокий сухощавый человек. Недлинные, чуть ниже ушей, небрежно зачесанные назад светлые волосы, в которых местами пробивалась седина, слишком резкие, но аристократические черты некрасивого лица, и ослепительным контрастом – яркие глаза ультрамаринового оттенка, присущего скорее эльфам, нежели людям.

– Добрый день, господин вар Гаррех, – поклонился человек со стеклом.

Тот небрежно кивнул и перевел взгляд на эльфов.

– Я знаю, что правила запрещают вам смотреть свободным в глаза, но все же первым нарушу этот неписанный закон, – негромко проговорил вар Гаррех. – Прошу вас, посмотрите на меня. Я хочу видеть ваши глаза, а не только макушки смиренно склоненных голов.

Провокация – а Марийа ни на секунду не усомнилась в том, что маг просто провоцировал эльфов – сработала на сто процентов. Едва вар Гаррех договорил, как на него уставились, прожигая лютой ненавистью, десять пар вишневых глаз... то есть девять – десятые были антрацитово-черные. И как раз в этих глазах не было ни ненависти, ни страха – спокойный интерес и естественная недоброжелательность, не более.

– Неплохая партия, Саллан, – удовлетворенно бросил маг. Вар Айренал расплылся в довольной улыбке. – Как давно они у тебя?

– Вон те трое – полторы декады. – Владелец Дома невольников указал на троих эльфов – двух мужчин и женщину, наиболее спокойно отреагировавших и на появление покупателя, и на его приказ посмотреть в глаза. – А остальных привезли буквально вчера, так что я даже сомневался, показывать ли их тебе. Они, конечно, имеют некоторое представление о дисциплине, но все же еще довольно невоспитанны.

– Именно они меня и интересуют. – Вар Гаррех продолжал со спокойным интересом разглядывать «товар». – А те трое... я возьму самого здорового из них, пол не имеет значения. Двух других можно увести, меня они не интересуют.

– Вангейт, ты хочешь меня обидеть? – совершенно искренне возмутился вар Айренал. – Они все абсолютно здоровы!

– Я имел в виду, самого крепкого, сильного и выносливого, – поморщился покупатель.

– А, тогда ладно.

Саллан отдал распоряжение почтительно замершему за его спиной второму помощнику, и тот увел троих эльфов. Один из них уже стал собственностью вар Гарреха, который продолжал разглядывать оставшихся семерых.

Спустя несколько минут увели еще двоих, которых он забраковал.

– Саллан, скажи мне, сколько стоит вот эта девочка? – внезапно поинтересовался Вангейт, указывая на Марийю.

– Я тобой восхищаюсь, друг мой. – Работорговец заулыбался еще шире. – Ты выбрал самый дорогой товар! Для тебя, конечно, будет дешевле, но все равно... сто кристаллов!

Брови потенциального владельца ведьмы изумленно взлетели вверх.

– Ты издеваешься? У тебя еще ни разу не было раба стоимостью больше пятидесяти кристаллов, хотя случались и воистину редкие экземпляры. Я понимаю, будь она легендарной высокой эльфийкой, но...

– Ай-яй-яй, Вангейт, как можно быть таким невнимательным? – Саллан шутливо пригрозил пальцем. – Посмотри, что за украшение на шейке у этой красотки?

Вар Гаррех присмотрелся.

– Ошейник, блокирующий магию? Ты хочешь сказать, что она – маг?

– Нет, друг мой, она не маг! Мой маг-сканер не обнаружил в этой девочке ни капли магии! Но она почему-то в ошейнике, больше того – как рассказал мне охотник, привезший всю эту партию, архатис шхуны, с которой они все, была готова – дальше я цитирую дословно: «отдаться ему прямо здесь и сейчас так, как он захочет, а потом до конца жизни ублажать весь его экипаж», лишь бы только эту малышку уничтожили и ни в коем случае не снимали с нее ошейник!

Реакция у вар Гарреха оказалась отменной. И только эта реакция спасла Саллану жизнь. Ведь архатис «Ласточки» была воистину великолепным бойцом, и запоздай покупатель на полсекунды – лежать бы работорговцу со сломанной шеей. А так эльфа оказалась распластана на полу, к которому ее прижимал оказавшийся таким неприятно быстрым человек, ее руки были заломаны за спину, а колено Вангейта упиралось в позвоночник, так что надави он чуть сильнее – и кости не выдержат.

– Саллан, я тебе поражаюсь, – с тихим смехом проговорил вар Гаррех. – Это же надо быть таким идиотом! В присутствии темной эльфийки – капитана пиратской шхуны – говорить о ней *такое*, да еще и в присутствии членов ее команды! Я поражаюсь, как ты жив до сих пор! – И добавил на неплохом темноэльфийском, обращаясь к Тирэн'лай: – Если вы пообещаете мне не пытаться убить этого старого ублюдка, пока я здесь, я вас отпущу. Хорошо?

Эльфа мрачно кивнула – в следующий момент Вангейт выпустил ее, мгновенно оказавшись на ногах, а потом, к всеобщему изумлению, помог встать невольнице, подав ей руку!

Впрочем, элфов больше удивило то, что Тирэн'лай эту помощь принял.

Белый от ярости вар Айренал попытался было прохрипеть приказ отправить наглуую тварь в подвал, но светловолосый маг остановил его.

– Я ее покупаю, – сухим, деловым тоном бросил он. – И еще вот этих двоих... и девочку в ошейнике. Плюс тот, которого уже увели. За всех – двести кристаллов. Большой цены ты не получишь ни от кого, Саллан, и ты это знаешь.

– По рукам! – вмиг повеселел работорговец.

– Тогда пойдем, уладим финансовые и прочие дела. Пусть твои люди пока что подготовят тех, кого я выбрал, к отправке и займутся доставкой в мой особняк.

Марийа до самой последней секунды не могла поверить, что ее *кутили*, что она теперь кому-то *принадлежит*! Только когда на запястье защелкнулись больше похожие на оковы широкие стальные браслеты, на внешних сторонах которых было выбито имя «Вангейт вар Гаррех», она внезапно осознала, что произошло.

На корабле она была пленницей – но была свободна. А теперь она – вещь. Собственность этого светловолосого мага, который движется со скоростью темноэльфийского воина. Мага с ярко-синими глазами, в которых явственно читается: «Это мой мир, просто вы *пока что* этого еще не знаете».

Новая страница в книге жизни юной целительницы из Темной Иерархии, юнги пиратской шхуны и Черной Ведьмы начиналась с нерадостных строк.

Глава третья

Аенгрот, Империя Христесар, Третий город Атан, резиденция Инквизиции, Этьен де Каррадо, граф Нисселет, Носитель Духа Предела, 6-я декада лета, 2904 год Восьмой эпохи

Под высокими сводами коридора, ведущего в казематы, разносилось гулкое эхо чеканных шагов Инквизитора. Случайные встречные служки и Стражи низкого ранга вспугнутыми тенями бросались к стенам, моля Сияющего, чтобы отвел беду и властный, тяжелый взгляд эзекутора не пал на них. Даже другой Инквизитор, случайно попавшийся ему на пути, предпочел как можно быстрее исчезнуть из поля зрения своего грозного коллеги.

Его боялись все – от стражников подземных камер до старшего Инквизитора Атана. Он прибыл в Третий город Империи четыре декады назад и буквально за несколько дней довел до панического ужаса всех, кому пришлось с ним встретиться. Он жесткой рукой навел порядок в резиденции, построил по стойке «смирно!» даже самых влиятельных служителей Церкви и столь рьяно принялся искоренять ересь среди самих церковников, считавших себя надежно защищенными от подобного преследования, что те взвыли. Кое-кто из старших Инквизиторов пытался от него избавиться, подослав убийц – но ассасины потерпели сокрушительное поражение и были торжественно сожжены на площади, а их наниматель, так и не сумевший сохранить инкогнито, обвинен в отступничестве, покушении на жизнь брата божьего, и сослан в какой-то захолустный городок... до которого, впрочем, не добрался – в пути карету остановили разбойники из так называемого Тайного Ордена и с превеликим удовольствием посадили церковника на кол.

Больше никто не рискнул подсылать к опасному противнику убийц. Но мешал он влиятельным Инквизиторам ничуть не меньше, поэтому с ним решили справиться иным способом – подловить на небрежном отношении к обязанностям, на незнании некоторых пунктов Божьего Закона и недостаточной компетентности в пыточном деле. Эта попытка провалилась с еще большим треском, нежели первая. После того как троих обвинителей тихо удавили в подвалах резиденции, согласно какому-то древнему закону, о котором никто и не помнил-то уже – он не использовался более тысячи лет, – никто больше не рисковал в открытую играть против жуткого посланника из столицы Империи.

Себастиан едва заметно кивнул склонившемуся чуть ли не до пола Стражу и начал спускаться по узкой лестнице, ведущей в подвалы. Тонкие бледные губы Инквизитора второго ранга кривились в довольной ухмылке, а в выцветших синих глазах плясало адское пламя. Очередной план вступил в завершающую стадию.

Сойдя с лестницы, он на несколько секунд задержался возле двух охранников, пристально взглядевшись в глаза каждому, отчего те смертельно побледнели, и пошел дальше. Миновав два коридора, Инквизитор остановился возле неприметной деревянной двери, на миг замер, прислушиваясь, затем удовлетворенно кивнул собственным мыслям и толкнул дверь, даже не постучав.

На нем мгновенно скрестились несколько возмущенных взглядов – но едва церковники поняли, *кто* осмелился вломиться к ним без стука, как слова замерли у них на губах, и каждый молча возблагодарил Христеса за то, что успел промолчать – Себастиан не церемонился с теми, кто осмеливался ему возражать или, тем более, его в чем-либо упрекать.

И, увы, он имел на это право – ранг выше, чем у него, был только у Первого Инквизитора города, а Первый поощрял действия посланца из столицы – ведь тот избавлял главного

экзекутора Атана от не в меру властолюбивых соперников. Да и слишком страшны были имена тех, кто подписывал назначение Себастиана в Атан и приказ о его широчайших полномочиях.

Инквизитор быстро пересек комнату и остановился у овального стола. Стянул с руки перчатку, извлек из кармана мантии незапечатанный свиток и бросил его на полированную столешницу.

– Подпишите, – отрывисто приказал он.

Брат Неррек первым протянул руку и взял свиток. Развернул, начал читать...

По мере ознакомления с текстом приказа на его лице проступало все большее и большее изумление и даже возмущение.

– Брат Себастиан, я понимаю ваше служебное рвение и благословляю вас и ваши действия в молитвах, но не кажется ли вам, что на этот раз вы слишком далеко зашли? – негромко поинтересовался он.

– Не кажется, – коротко оборвал его Себастиан. Однако Неррек не собирался сдаваться так легко.

– И все же, брат, арест лорда-коменданта города по обвинению в ереси и демонопоклонничестве – для этого нужны веские доказательства.

– Они у меня будут, – отрывисто проговорил Инквизитор. – От вас требуется только одно – поставить на этом свитке подписи. Пока в этом городе действуют все эти бюрократические... тонкости, я не хотел бы столь открыто нарушать еще существующие законы. Подпишите. Доказательства вины коменданта будут еще до наступления темноты.

– Следует ли понимать твои слова так, что ты отступишься от своего, если мы откажемся подписывать этот приказ? – вкрадчиво поинтересовался Инквизитор пятого ранга Дориан.

– Ты так плохо меня знаешь, брат Дориан? – От улыбки Себастиана даже повидавшему многое Нерреку стало не по себе. – Разумеется, придя к вам за подписями и потратив на это драгоценное время, я всего лишь хотел проявить уважение к вам, братья. Но вне зависимости от законов государственных, законы Сияющего должны быть выполнены, даже если ради этого мне придется разрушить бюрократию полностью.

Экзекуторы недовольно переглянулись. Каждый пытался судорожно придумать хоть какую-нибудь вескую причину, которая могла бы убедить неугомонного Себастиана отказаться от ареста коменданта, вполне устраивавшего всех остальных. Вот только каждый понимал, что уговорить камень не падать – задача на порядок проще, чем переубедить упрямого Инквизитора второго ранга.

Дориан сдался первым. Досадливо крикнув, он поставил на свитке размашистую подпись и швырнул перо на стол.

– Доволен? – зло поинтересовался он.

– Вполне. – По губам Себастиана вновь скользнула змеиная ухмылка.

Вслед за Дорианом приказ подписали и остальные. Инквизитор сухо поблагодарил братьев, забрал свиток и, не прощаясь, ушел.

Спустя стан две кареты с решетками на окнах, сопровождаемые верховыми, остановились у роскошного особняка лорда-коменданта Атана. Один из младших Стражей мгновенно спешился, подбежал к светло-серому жеребцу и хотел было взяться за стремя, позволяя Инквизитору неспешно и величественно сойти с коня. Однако Себастиан и здесь проигнорировал неписанные законы – не дождавшись совершенно лишней «помощи» Стража, он бросил стремя и легко спрыгнул на землю. В свои сорок пять лет он отличался великолепным здоровьем и прекрасной физической формой и, в отличие от собратьев-экзекуторов, предпочитал лишний час позаниматься фехтованием, чем наесться до отвала экзотических вкусов, а потом предаться удовольствиям с какой-нибудь не менее экзотической красавицей

– разумеется, потом позаботившись о том, чтобы эта самая красавица даже перед казнью не проболталась.

– Четверо – со мной, – пролаял приказ Инквизитор. – Двое – ждут у дверей. Остальные – остаются здесь. Все ясно?

– Да, святой отец! – нестройным хором отозвались стражи.

– Прекрасно. Идем!

Себастиан первым взбежал по ступеням на крыльцо и требовательно постучал. Через несколько секунд тяжелая дверь отворилась, и на пороге появился престарелый управляющий лорда.

Увидев перед собой жуткого Инквизитора, дурная слава о котором гремела по всему Атану со дня его приезда в город, старик смертельно побледнел и схватился за сердце. Святой брат усмехнулся.

– Я не по твою душу... пока что, – бросил он. – Лорд у себя?

– Да, господин Инквизитор, – пролепетал управляющий, отступая на шаг. – Он в своем кабинете, работает. Мне сообщить о вашем...

– Нет. Собери всю прислугу в одной комнате и проследи, чтобы никто не ушел. Если кого-нибудь недосчитаюсь – пойдешь на плаху. Ясно?

– Да, конечно, господин Инквизитор, не извольте сомневаться...

Старик еще что-то лепетал, но Себастиан его уже не слушал. Он быстро прошел через холл, роскошно обставленную гостиную и поднялся по лестнице на второй этаж, где располагался кабинет лорда-коменданта. Четверо Стражей неотступно следовали за ним.

Разумеется, стучать экзекутор не стал – он просто с силой пнул дверь, распахнувшуюся от удара, и вошел.

– Какого демона... – вскочив, начал говорить полноватый лысеющий мужчина, до того спокойно сидевший за столом, и осекся, увидев, *кто* посмел столь нагло вторгнуться в его владения.

– Лорд-комендант Аскен де Векрет, вы арестованы по обвинению в демонопоклонничестве, колдовстве, ереси и сношении с нечеловеческими расами, – скучающим тоном проговорил Инквизитор.

Де Векрет, услышав самое страшное в Империи обвинение, побледнел и рухнул обратно в кресло.

– Но я ничего не делал! – воскликнул он, в глубине души понимая, что ему конец. Такие обвинения никогда не опровергались.

– Я не разрешал вам говорить, – все тем же скучающим тоном прервал его Себастиан. – Если вы желаете мне что-либо сказать, у вас будет возможность сделать это во время допроса в резиденции. А сейчас – помолчите и извольте спуститься вниз, возле дома вас ожидает карета. Проводите лорда-коменданта, – бросил он двоим стражам. – А вы конфискуйте все бумаги и вещи в этом кабинете и оставайтесь ждать команду обыска. Все должно быть конфисковано и доставлено в резиденцию, в зал номер двенадцать.

Поклонившись, Стражи бросились выполнять приказы.

Разумеется, лорд-комендант попытался сбежать. В конце концов, хуже быть уже не могло, а если бы повезло – то у него появились бы шансы сохранить свою жизнь... Но побег, разумеется, не удался. Ему позволили отбежать шагов на сто, потом догнали, повалили на землю и немного попинали тяжелыми сапогами, после чего затащили в карету, не слушая жалобных стонов, перемежающихся соблазнительными предложениями крупных сумм и страшными проклятиями.

Себастиан же лично обыскал стол и тайник коменданта, забрал с собой некоторые бумаги и три небольших кожаных мешочка. Потом спустился вниз, заглянул в гостиную, где старик-управляющий послушно собрал семью лорда и слуг. Задал каждому несколько, каза-

лось бы, отвлеченных вопросов, арестовал еще троих и, вполне довольный собой, вернулся в резиденцию.

– Отпираться глупо. У меня достаточно доказательств вашей вины, – равнодушно сообщил Себастиан, едва войдя в допросную.

За большим столом, прикованный к специальному креслу, сидел Аскен де Векрет. Вообще-то в комнате должен был находиться еще и специалист-допросчик, но беседы с некоторыми заключенными Инквизитор предпочитал проводить один на один – в конце концов, его собственного мастерства вполне хватало на то, чтобы заставить говорить даже самого упрямого обвиняемого. Так что сейчас, кроме него самого и лорда, в допросной не было никого.

Аскен сидел прямой и бледный, но в глазах его стояла решимость молчать. Уж кто-кто, а он прекрасно понимал, что так ему живым отсюда не выйти, а вот если промолчать, то возможно, кто-нибудь из Покровителей и снизойдет до своего верного слуги и если даже не спасет, то, по крайней мере, избавит от мучительной смерти.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, святой отец. – Он очень старался сдерживать дрожь, но получалось плохо.

Себастиан усмехнулся и бросил на стол лист бумаги, исписанный мелким ровным почерком лорда. Тот побледнел, а Инквизитор продолжал выкладывать перед ним неопровержимые доказательства вины подозреваемого... а точнее – обвиняемого и уже почти что приговоренного.

– Это все найдено в вашем столе. Черновик речи, которую вы собирались произнести перед птенцами вашего гнезда. Золотые монеты алеартской чеканки, под страхом смерти запрещенные в Христесаре. Три артефакта эльфийского производства. Книга магии, написанная на эльфийском же языке. Письмо от вашего собрата по Ковену. Статуэтка демона Тьмы, предназначенная для ритуала жертвоприношения. Мне продолжать?

– Я ничего не скажу, даже если вы станете меня пытаться – а вы станете, я знаю, – вымученно пробормотал сраженный такими доказательствами его вины комендант.

– Скажете. – Себастиан улыбнулся. – Еще как скажете.

– Нет. Вы можете делать со мной все, что угодно, но вы не заставите меня говорить.

Инквизитор на секунду нахмурился. Сидевший перед ним человек не храбрился, нет – не та порода. Он до безумия боялся своего невольного собеседника, равно как и пыток – но чего-то он боялся больше, чем боли и жуткой смерти. Интуиция подсказывала, что де Векрет и вправду не скажет ничего даже под пытками.

Лорд же украдкой изучал экзекутора. Худое лицо аскета, седые волосы до лопаток, собранные в хвост, некогда ярко-сапфировые, а теперь выцветшие до бледно-синего глаза... чертовски умные глаза, в глубине которых таилась искристая хитринка.

Комендант опешил, поймав себя на этой мысли. А мысль продолжала издеваться над несчастным.

«Он не похож на фанатика, каким его принято считать. И, уж тем более, он не идиот. Не властолюбец, не прирожденный садист, как большинство экзекуторов. Просто делает то, что считает нужным. Похоже, человек слова. Так почему бы и не рискнуть?»

Аскен задрожал, прикусил губу и попытался отогнать губительную и попросту глупую мыслишку – но где уж там! Вертлявой змейкой она обходила все спешно выставляемые логические доводы «против» и остро впивалась в сознание.

– Знаете, господин де Векрет, мне всегда было интересно проверить, чего человек может бояться больше, чем боли, – задумчиво проговорил Инквизитор. – Раньше я считал, что только еще большей боли. Потом понял, что не просто большей – *другой*. Для кого-то это боль психологическая, для кого-то – боль, вызываемая самим страхом боли, для отдель-

ных индивидуумов, довольно редких – боль, причиняемая их близким. Но всегда – боль. Какой же боли так боитесь вы, господин Векрет? Нет, не отвечайте! Я сам хочу это узнать. Опытным путем.

«Не прирожденный садист, говоришь? – заорал голос разума на мыслишку. – Ну-ну! Да он хуже любого стандартного любителя помучить других!»

«А что ты теряешь, если попытаешься?» – вкрадчиво прошептала та, игнорируя очередную довод.

– Я не боюсь боли, – сохраняя внешнее спокойствие, отозвался Аскен.

Себастиан вновь окинул его долгим взглядом. И внезапно рассмеялся, став почему-то неумовимо похожим на друга детства и названного брата... сожженного семь лет назад.

– Вы не поверите, но вы мне чем-то симпатичны, – отсмеявшись, сказал он уже полумертвому от ужаса лорду. – И поэтому я даже пойду на нарушение некоторых своих привычек. Я предлагаю вам сделку, лорд.

Мыслишка, довольно захихикав, отшвырнула в сторону то, что осталось от голоса разума, и заняла все сознание де Векрета.

– Какую сделку?

– Самую обыкновенную. Вы выдадите мне своих покровителей из Инквизиции – а я... ну, например, позабочусь о том, чтобы не пострадала ваша семья, насколько это возможно, и позволю вам избежать пыток – более того, перед костром вам дадут яд, быстрый и безболезненный. – Инквизитор пристально взгляделся в лицо Аскена, пытаясь определить реакцию.

А реакция была простая – шок. Нет, бывало такое, что экзекуторы шли на сделки с приговоренными – но только если привычный метод добычи информации не давал результата. А этот даже не попробовал! Тем не менее опытный в делах сокрытия своих противозаконных деяний комендант пока еще не готов был поверить невольному собеседнику.

– Больше того, – продолжил Себастиан, видя, что жертва колеблется, но пока еще не готова согласиться. – Я даже даю вам слово, что если мы договоримся, то я не буду спрашивать вас о Ковене. Найду их другими способами.

Лорд вздрогнул, в глазах мелькнула надежда, и это не укрылось от внимательного взгляда Инквизитора.

– Вы мне дадите это слово или вы мне его уже дали? – несмело поинтересовался Аскен. Экзекутор усмехнулся.

– Можете считать, что уже дал.

Де Векрет с облегчением выдохнул...

Через стан Себастиан выходил из допросной, пряча в кармане мантии убойный компромат на некоторых несговорчивых коллег. Того, что ему удалось заполучить, достаточно было, чтобы уничтожить почти всех, кто ему мешал. А Ковен... с этим Ковеном еще слишком многое было неясно.

Привычно кольнуло в правом виске. Инквизитор незаметно поморщился, слушая телепатическое сообщение, и вскользь подумал, что амулеты связи надо будет доработать. Впрочем, то, что он услышал, сразу же вернуло ему хорошее настроение. Поднявшись наверх, он передал бумаги своему секретарю, чтобы тот сформировал обвинение и все прочее, после чего приказал подать коня и через несколько минут уже мчался, распугивая прохожих, прочь от резиденции.

Осадив горячего жеребца возле Храма Сияющего, Себастиан швырнул поводья пареньку-служке и поднялся по ступеням самого красивого и самого жуткого здания в Атане.

Собор, увенчанный девятью шпилями, был воистину великолепен. Высокие, гулкие своды, разукрашенные фресками и лепниной, изящные балюстрады второго яруса, мозаичный пол и тысячи плавающих в воздухе огней – все это производило неизгладимое впечатление даже на десятый раз. Однако экзекутору было не до красот храма – произнеся короткую

молитву, он пересек огромный зал и скрылся за колоннами, где была дверь во внутренние помещения.

– Брат Грегориан у себя? – поинтересовался Инквизитор у попытавшегося незаметно прошмыгнуть мимо Стража. Тот испуганно кивнул и склонился в глубоком поклоне – но Себастиана он больше не интересовал.

Эта дверь была, пожалуй, единственной, в которую он стучал. Неприметная дверь из хорошо обработанного дерева, тяжелая и гладкая, без резьбы и таблички. Все и так знали, чья келья за ней находится.

– Войдите, – прозвучал сухой голос. Экзекутор не заставил себя ждать и последовал приглашению, сразу же плотно прикрыв дверь за собой.

Инквизитор третьего ранга Грегориан сидел за столом и что-то торопливо писал. На вошедшего он даже не взглянул – да и незачем было. Он и так прекрасно знал, кто к нему пришел.

Себастиан терпеливо ждал, пока тот закончит. Единственное, что он себе позволил – так это выпить воды и сесть на простую деревянную скамью.

Через несколько минут в дверь снова постучали. На сей раз в келью вошла немолодая седовласая женщина в простом, но прекрасно пошитом платье. Она чинно поклонилась Инквизиторам и села на другую скамью.

Наконец Грегориан отложил перо и поднял голову.

– Приветствую, друзья, – открыто улыбнулся он.

– Приветствую, – отозвались оба. На лице Себастиана отпечаталась некоторая нервозность, не укрывшаяся от пристального взгляда хозяина кельи.

– Ты сам ставил здесь защиту, – усмехнулся он.

В следующее мгновение седой Инквизитор преобразился. Волосы стали черными и упали тяжелой волной до пояса, лицо помолодело, лишилось печати аскетизма, он стал чуть выше ростом, но эже в плечах. Глаза тоже сменили цвет с бледно-синего на антрацитовый.

Этьен де Каррадо, граф Нисселет, Носитель Духа Предела, с остервенением сорвал с себя инквизиторскую мантию, оставшись в штанах и простой рубашке, и швырнул ее на скамью.

– Позвольте выразить вам мое восхищение, Грегориан, – проговорил он, вновь садясь. – Столько лет выдерживать в этой клоаке... За те четыре декады, что я изображаю этого Себастиана, я уже множество раз был в шаге от того, чтобы сорваться и раскрыть себя, но уничтожить хотя бы часть этого кошмара, зовущегося Церковью.

– Терпение, друг мой. Вы же знаете, что если мы сумеем добиться нашей цели, то сможем уничтожить не малую часть Инквизиции, а всю ее, без остатка.

– Знаю. Но все равно – тошно. Знаете, я многое повидал в своей не такой уж короткой жизни, но то, что каждодневно творится в этом городе, более того – считается здесь обыденностью... – Графа передернуло.

– Я понимаю вас, граф, но все же – давайте перейдем к делу, – негромко проговорила Мари де Реннит.

– Именно, – поддержал герцогиню Грегориан. – Этьен, прошу вас, начинайте.

– С Ковена или с Инквизиции? – уточнил Хранитель.

– С Инквизиции, пожалуй.

– Хорошо. Итак, я сегодня все же добился ареста лорда-коменданта. При обыске в его кабинете я нашел немало интересного – алеартское золото, эльфийские артефакты и книги, статуэтку этого их божества... в общем, немало. Доказательства неопровержимые. Я его припугнул на допросе – но лорд даже под страхом самой жуткой смерти отказался говорить про Ковен. Пришлось считывать память... ладно, об этом позже. Но мне все же удалось найти с ним общий язык. Я пообещал ему отсутствие пыток и яд перед казнью, за это мне

сообщили имена покрывавших его Инквизиторов. Но это не все – дальше я пообещал ему жизнь и свободу – а он в благодарность в своих показаниях вывел заговорщиками Дориана и Харкета, которые нам здорово мешали. Теперь я могу убрать их буквально за день – на Неррека тоже есть управа, и я легко стравлю его с коллегами, после чего те лишатся всяческой поддержки, и их можно будет в любой момент устранить совершенно официально – хотя затягивать не следует, настоящий Себастиан не стал бы откладывать казнь отступников. Другой вопрос, что делать теперь с лордом-комендантом? Он, в сущности, неплохой человек, и мне не хотелось бы его убивать.

– А и не надо, – тонко улыбнулась Мари. – Организуем ему побег так, чтобы казалось, что это сделали Дориан и Харкет. Вот и будут дополнительные доказательства их вины.

– Хороший план, герцогиня, одобряю. – Грегориан усмехнулся. – Этьен, прекрасная работа. Я не ожидал таких результатов от новичка, будь вы хоть трижды Черный Властитель.

Настала очередь графа усмехаться.

– Я рад. Итак, на данный момент мы теми или иными способами уничтожили более двадцати влиятельных Инквизиторов. Разумеется, я считаю только тех, кто выше пятого ранга. Осталось их еще примерно столько же, но почти на всех есть управа.

– Неплохой результат для шести декад упорной работы, – задумчиво отметила герцогиня.

– Да, неплохой – только если бы не многолетняя подготовка, ничего бы не вышло. Это я к тому, что в других городах подобное провернуть не удастся, – с сожалением проговорил Грегориан. – Но сейчас наша проблема в том, что нам не хватает людей. Треть важных постов в городе занимают члены Тайного Ордена – но мы могли бы поставить еще как минимум столько же, если бы было кого.

– Да, а еще меня скоро начнут подозревать, – добавил Этьен. – Я зашел слишком далеко даже для помешанного на чистках собственных «братьев» Себастиана.

– Как только тебя начнут всерьез подозревать, нам придется действовать открыто и решительно. – Инквизитор покачал головой. – А на это у нас пока что не хватит людей. И даже в перспективе не хватит... нужно человек двести, не меньше, причем не абы кого, а влиятельных людей и хороших воинов.

– Ковен, – негромко сказала Мари. – Ковен, о котором мы почти ничего не знаем, кроме того что он как-то связан с Алеартом, высокими эльфами и неизвестной нам религией.

– По поводу Ковена мне удалось кое-что узнать, – вскинулся граф. – Во-первых, вы не поверите, но на первый взгляд эта их религия мне нравится. Единый бог всего живого, отрицающий жестокость и подлость, шестеро его помощников, как бы святых – так называемые Покровители. Бог не прощает предательства, но всегда рад принять к себе новообращенных. Единственное, что мне не очень по душе, так это то, что все собрания Ковена всегда заканчиваются свальным грехом – но это уже их личное дело. Не сказать, что эта религия может быть альтернативой вере в Сияющего – слишком она... специфическая, но сама по себе вполне неплоха.

– Это хорошо, но есть ли конкретика?

– Когда я пытался считать память лорда-коменданта, я наткнулся на сильные щиты, и мне не удалось узнать всего. Но сейчас мне известно, во-первых, когда следующее большое собрание Ковена, а во-вторых – имена некоторых влиятельных людей, которые являются членами Ковена.

– Вы полагаете, лучше прийти на встречу или же попытаться переговорить с кем-нибудь из этих людей?

– Второе. А вот с кем именно – это надо решить отдельно.

– Решим, – вновь заговорил Грегориан. – Что еще?

– У меня в подземелье накопилось слишком много «казненных». Их необходимо вывести и спрятать – они помогут нам. К сожалению, они только грубая боевая сила, но в нашем положении и это хорошо.

– Это мы тоже решим. Что-нибудь еще?

– Нужно назначить примерную дату переворота, – вставила Мари. – Этьен и так рискует, столь нагло вычищая Инквизицию изнутри; как уже говорилось, его скоро начнут подозревать.

– После контакта с Ковеном, – отрезал глава Тайного Ордена. – Узнаем, что они такое и можно ли рассчитывать на их помощь – тогда и назначим дату. Сейчас – рано. Что-нибудь еще?

– Вроде нет.

– Тогда на сегодня все. Следующее собрание через три дня, в особняке герцогини.

Попрощавшись с Мари и Грегорианом, Этьен накинул висевший на стене плащ и покинул келью, через потайную дверь спустившись в подземный ход. Через полчаса он был у входа в ту самую комнату с табличкой «Святая Инквизиция», где шесть декад назад прятался от всего мира.

Наскоро перекусив оставленными Кёрнхелем лепешками и сыром, Хранитель растянулся на кровати и расслабился. Последние шесть дней ему пришлось провести в личине Себастиана, и он до безумия устал, причем и энергетически, и морально. Все же болезненно честному графу было дьявольски сложно двадцать станом в сутки изображать жестокого Инквизитора и постоянно общаться с другими церковниками, делая вид, что он почти такой же, как они.

Этьен думал, что заснет почти моментально – но сон не шел, вместо этого мысли как-то плавно вернулись к недавнему прошлому...

Некоторое время назад

Операция внедрения прорабатывалась хоть и тщательнейшим образом, но в условиях дикой спешки. На все детали и обучение совершенно неопытного в таких делах Этьена было ровно десять дней. Конечно, можно было подождать и подменить влиятельного Инквизитора, прибывающего в Атан по повелению Святейших Отцов на декаду-другую позже, но, во-первых, одному Создателю ведомо, что успел бы натворить проклятый фанатик, а во-вторых, было бы очень сложно объяснить другим церковникам внезапное изменение целей Себастиана. Так что устраивать подмену было решено в день, предшествующий торжественному появлению экзекутора в городе.

Эти десять дней запомнились Этьену как нескончаемый, растянутый на месяцы кошмар. С раннего утра и до конца дня он изучал историю Империи, историю Церкви, историю Инквизиции. Божий Закон, святые книги, все правила, которые должен знать высокопоставленный экзекутор. Детали интриг прошлого и настоящего, нынешнее положение дел при Главном Храме, имена и биографии Святейших Отцов. Бесконечное количество молитв, долгие и сложные, полные мелких, но очень важных деталей обряды и ритуалы. История жизни самого Себастиана, его привычки и знакомства. И что самое страшное и сложное, но при этом жизненно необходимое – теория и практика пыток. По счастью, мучить кого-то на самом деле Этьену все же не пришлось – Меч сжалился над графом и научил его создавать максимально детализированное псевдопространство, эдакую полную иллюзию реальности, где можно было создать некое подобие человека, лишенное чувств, эмоций и, разумеется, не имеющее души.

Вечером за Хранителя брался Кёрнхель. Получив задание за одну декаду превратить просто опытного воина в бойца экстракласса – по меркам Империи, конечно – он отбросил

в сторону всякое сочувствие и по шесть часов гонял Этьена самым жесточайшим образом. В этом, конечно, тоже помог Меч, забывая все приемы и уловки напрямую в мышечную память, что позволило уложиться в необходимые сроки.

После тренировок граф ложился... но отнюдь не спать. Пожалуй, все же самая сложная часть обучения проходила именно ночью. Эстай обучал Хранителя всем тем аспектам магии Предела, какие только могли понадобиться в предстоящей операции. Вместо сна Этьен погружался в глубокий транс, переходил в подпространство и часами продумывал и выплетал экспериментальные заклинания, раз за разом ошибаясь, сбиваясь, а то и просто не выдерживая энергетического напряжения.

Но все же он справился. Хорошие учителя, совершенно потрясающая работоспособность, приобретенная благодаря Мечу нечеловеческая выносливость, абсолютная память и отчаянное желание стереть с лица Аенгроста это жуткое явление – Инквизицию – прекрасно справились с чудовищными нагрузками, внутренним отвращением ко многому из того, что приходилось изучать, и слишком слабыми для Носителя Духа магическими способностями.

В последнюю ночь, когда Этьен, едва волоча ноги, добрался до постели и, рухнув на спину, привычно уже попытался перейти в тренировочное подпространство, Эстай остановил его.

«Не стоит, граф. Отдохните сегодня. Завтра вам потребуются силы, а вы и так измотаны». – Слышать в голосе безжалостного обычно артефакта сочувствие было странно, но у Хранителя уже не было сил удивляться. Он просто пробормотал в ответ некое выражение согласия, вышел из транса и мгновенно отключился.

На следующий день Кёрнхель разбудил его поздно, около полудня. В первый момент Этьен даже испугался – неужели что-то случилось и операцию, в подготовку к которой вложили столько сил, пришлось отменить? Но полуэльф поспешил его успокоить. Просто торжественный въезд Себастиана в Атан перенесли на следующий день, и соответственно операция по подмене Инквизитора тоже переместилась на ночь. Благо, среди слуг посланца Отцов был человек, преданный лично Мари, и через нее глава Тайного Ордена успевал узнать обо всех изменениях в планах Себастиана вовремя.

Ранним вечером небольшой отряд, возглавляемый Инквизитором третьего ранга Григорианом и Инквизитором четвертого ранга Нерреком, выехал навстречу высокому гостю. В предназначенный для почетной встречи Себастиана отряд вошли также два десятка Стражей высшего ранга, помощник лорда-коменданта Атана, несколько высокопоставленных родовитых апостолигов, в том числе – герцогиня Руэлская, неожиданно для всех принявшая приглашение сына поучаствовать во встрече. Ну и, разумеется, кавалькаду сопровождали три десятка разномастных слуг. Никто не обратил внимание на двух лишних...

До стоянки Себастиана добрались к полуночи. Пока проводилась торжественная встреча Инквизиторов, а прислужники ставили лагерь и готовили ужин, Этьен и Кёрнхель незаметно отделились от толпы и, укрывшись заклинанием невидимости, пробрались к шатру посланца. Притаившись в тени высокого дерева, под которым был установлен этот шатер, Этьен сосредоточился...

«Григориан, вы меня слышите?»

«Да, граф. Вы на месте?»

«На месте и готов. Но в шатре сейчас слишком много лишних людей...»

«Я позабочусь об их устранении. Не думайте об этом, у вас другая задача».

Оборвав связь, Хранитель отбросил капюшон с лица и посмотрел на друга. Кёрнхель был спокоен и сосредоточен – на его долю выпала одна из самых сложных задач. Полуэльфу предстояло выбраться из тщательно охраняемого лагеря, вынеся с собой настоящего Себастиана, и надежно спрятать его до того момента, когда представится возможность перевезти пленного Инквизитора в тайное убежище.

– Ты уверен, что сможешь выскользнуть отсюда незамеченным с такой ношей? – одними губами в сотый уже раз спросил Этьен.

– Да. Я прошел хорошую школу. – Кёрнхель улыбнулся – и неожиданно наклонился к своему спасителю. – Не стоит волноваться обо мне. Я справлюсь, поверь. А ты лучше сосредоточься на своей миссии – я рискую только сейчас, а ты будешь подвергать себя риску каждодневно и ежесекундно. Береги себя... прошу.

Граф тяжело вздохнул. Он так и не смог понять, кто такой этот полуэльф и почему он столь беззаветно предан ему, Хранителю. Это спокойное, теплое обожание, абсолютная, нерушимая верность и святая, непоколебимая уверенность Кёрнхеля в нем пугали – но и побуждали отвечать если не тем же, то хотя бы чем-то близким. Этьен безмерно уважал и любил друга и уже тысячу раз поблагодарил Создателя за то, что оказался на площади в момент, когда там умирал загадочный полуэльф. Вот только никак не мог понять граф, почему порой в брошенном на него случайном взгляде Кёрнхеля проскальзывала неизбывная, бесконечно-пронзительная тоска – пронеслась мимолетной птицей и исчезла без следа, растворяясь в теплой улыбке.

– Брат Себастиан, я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз до ужина, если возможно, – донесся из шатра спокойный, почтительный голос Грегориана. – Это касается некоторых... гм, подозрительных событий, происходивших в последнее время в городе, вверенном на ваше попечение Святейшими Отцами.

– Конечно, брат, – ответил Инквизитор и властно распорядился: – Оставьте нас!

Спустя минуту в шатре не осталось никого, кроме них двоих.

Пора!

– Это довольно щекотливый вопрос, – начал глава Ордена.

Этьен сосредоточился, выплетая заклинание.

– И в чем же он заключается? – со сдержанным интересом спросил Себастиан. – Я надеюсь на вашу полную откровенность, брат. И рассчитываю, что вы обязательно...

На что он рассчитывал, узнать уже не удалось. Граф наконец закончил заклинание, и инквизитор, пошатнувшись, начал заваливаться на бок. Грегориан ловко подхватил его, не позволяя шумно рухнуть на землю – в шатре аскетичного экзекутора не было даже ковра.

Кёрнхель быстро полоснул ножом по растянутой кольями и веревками парусине и первым проник внутрь, Хранитель последовал за ним. Кивнув собратьям, Грегориан осторожно опустил тело Себастиана на землю и выпрямившись, сложил пальцы в сложный символ, опуская на шатер полог тишины – рисковать лишний раз никто не хотел.

– Что с ним? – на всякий случай уточнил он у Этьена.

– Потеря сознания на сутки. Привести его в себя сейчас не сможет никто и ничто, – отозвался тот. И тут же, не теряя времени, опустился на колени возле тела Инквизитора, обхватил его голову руками, прижав подушечки указательных пальцев к вискам, и, закрыв глаза, погрузился в транс. Графу предстояло считать личность Инквизитора, все его привычки и любимые слова, манеру разговаривать и двигаться, и все тому подобное.

Несколько минут в шатре царил напряженная тишина. Наконец Хранитель выпустил Себастиана и поднялся на ноги. Лицо его было мертвенно-бледным.

– Да уж... В высшей степени неприятный тип, – брезгливо пробормотал он.

– А чего вы хотели? Инквизитор... – со скрытой горечью усмехнулся Грегориан. Кёрнхель же, не тратя времени на разговоры, быстро стягивал с экзекутора одежду.

Когда он закончил, Этьен снова опустился рядом с неподвижным телом и внимательно всмотрелся в каждую черточку лица, запоминая все родимые пятна и шрамы, неровно сросшуюся после перелома ключицу и следы от оспин, характерную кривизну рта и выступающий сильнее, чем следовало бы, позвонок... Полностью скопировать тело Инквизитора за столь короткое время он мог исключительно благодаря абсолютной памяти.

Через минуту граф поднялся на ноги и быстро сбросил плащ и рубашку, оставшись только в простых тканых штанах. Вновь закрыл глаза, потянулся к силе Предела, бесконечным черным океаном расстилавшейся вокруг него, и полностью погрузился в эти спокойные, доброжелательные волны. Хранитель даже не плел заклятие – он просто отчетливо представлял себе и его структуру, и конечный результат. Предел действовал сам, подчиняясь воле своего носителя.

Спустя пять минут перед Грегорианом и Кёрнхелем стоял еще один Себастиан. Отличить его от настоящего можно было разве что по нервному подергиванию пальцев да по судорожно кусаемым губам – Инквизитор был человек жесткий и о самоконтроле имел самое что ни на есть четкое представление. О чем, собственно, Этьену не преминул напомнить глава Ордена.

«Я должен быть спокоен и подчеркнуто безразличен. Чуть высокомерен и очень внимателен. Смотреть так, словно я подозреваю в ереси всех присутствующих. Я должен это сделать».

– Вы готовы, брат? – спросил Грегориан.

– Да, почти... – пробормотал Этьен, застегивая на шее поданную полуэльфом мантию Инквизитора. – Вот теперь все.

– Тогда я пошел. – Кёрнхель взвалил на плечи тело настоящего Себастиана и выскользнул из шатра через ту же дырку, сквозь которую около четверти стана назад проникал вместе с графом. – Ты прикроешь меня невидимостью?

– Да, разумеется. – Хранитель на миг прикрыл глаза – а когда открыл их, Кёрнхель словно бы исчез. Только колыхнулась, как высокая трава на ветру, парусина шатра.

– Разрез. – Инквизитор указал на длинную дырку в стене.

– Сейчас... – Короткий взмах рукой – и края парусины вновь прирастают друг к другу, как будто бы и не происходило ничего.

– Тогда желаю удачи, друг мой. Она вам понадобится. Все, я снимаю полог тишины.

Этьен кивнул. Грегориан сделал легкий пасс, деактивируя заклятие.

– Что же, брат Себастиан, я рад, что мы с вами нашли общий язык. А теперь позвольте пригласить вас к столу. – Он почтительно поклонился.

Этьен-Себастиан последний раз позволил себе нервно вздрогнуть – и полностью отключил все свои собственные привычки и микрореакции, заместив все свое личностное психоматрицей настоящего Инквизитора, в данный момент безо всякого почтения влекомого по лесу.

На следующий день состоялась торжественная церемония официальной встречи посланца Святейших Отцов. Инквизитор спокойно выслушал все приветствия, ответил протокольными словами – а потом вдруг поинтересовался, отчего в прекрасном и благочестивом Третьем городе Христесара на улицах творится демон знает что? В ответ на недоуменный взгляд Первого Инквизитора Себастиан резко шагнул вперед, к одному из стоявших в подобию почетного караула Стражей. Никто не успел заметить, как экзекутор выхватил из-под одежды кинжал и рассек одежду на спине молодого церковника, но через мгновение стоявшие рядом увидели кожу Стража и бросились от него, как от прокаженного. Спину покрывала затейливая вязь татуировок, знакомая каждому – так метили своих людей члены Братства Крови. Эта зловещая секта, приносящая в жертву своему божеству людей и делающая это едва ли не с большей жестокостью, чем самый изощренный экзекутор, уже два месяца служила пугалом для жителей Атана – причем не только простых людей и апостолитов, но даже служителей Церкви.

Казнь состоялась вечером. К тому моменту город уже стонал. Себастиан взялся за чистку жестко, и вместе с неудачливым Кровавым братом, как называли себя члены секты, на кольях, решетках и кострах оказались еще полтора десятка еретиков и отступников.

Во время аутодафе новоприбывший инквизитор вновь отличился. Спустя буквально пятнадцать минут после начала казни он встал и приказал добить казнимых. В ответ на изумленные и возмущенные взгляды «братьев» он сухо заявил:

– Вверенный вам город затопили тьма и беззаконие, ересь и грязь. Сейчас не время возиться с каждой тварью. И пока мы не уничтожим отступников всех до единого... – Далее Себастиан многозначительно замолчал.

После аутодафе к нему подошел раздосадованный Неррек и вкрадчиво намекнул, что Первому Инквизитору не очень-то по душе самоуправство новичка. На это экзекутор только усмехнулся и попросил передать Первому пожелание внимательно изучить бумаги посланца Святейших и в особенности ту, в которой говорится о его полномочиях.

Произвели ли на главу Церкви в Атане такое впечатление бумаги Себастиана или же он сам – но чинить ему препятствий в открытую не рисковал более никто. А если вдруг даже и находился такой идиот – то он очень быстро узнавал на собственной шкуре, каково оказаться на колу или гореть заживо в костре.

Никогда еще со времен последней Благословенной Войны Инквизиция не несла таких чудовищных потерь...

Глава четвертая

Аенгрост, Аргонрадская Федерация, Аре-о-Ката Дирити, лейтенант полиции, 19-й день нерева, год 528 (летоисчисление местное)

Тихий, но навязчивый гул толпы, медленным потоком текущей мимо, давил на уши. Аре незаметно поморщилась, чуть приподняв верхнюю губу – больше всего ей сейчас хотелось пойти домой, к детям, и остаться там, в тишине и спокойствии. Но командир ее отряда назначил женщину ответственной за порядок на площади, пригрозив оштрафовать, если хоть что-то пойдет не так, – и Аре ничего не оставалось делать, как забыть об уюте тесной, но зато своей квартирке и честно выполнять свой долг.

– Вход на площадь с алкоголем запрещен! – одернула она проходящего мимо рыжего паренька лет шестнадцати.¹

– Но это же только келек!² – возмущенно запротестовал тот.

– Келек тоже приравнивается к спиртному, – строго проговорила лейтенант. – А вход на площадь с алкоголем запрещен!

Рыжий поник и, быстро допив пенный терпкий напиток, швырнул бумажную бутылку в мусоросборник.

– Теперь можно?

Аре кивнула и вернулась к обозреванию толпы, тихо ругаясь себе под нос.

Вообще-то сегодня у нее должен был быть выходной, но когда чертова капитана это интересовало? И ведь недоплатит, сволочь, – это прежний командир старался для своих ребят, выбивал им премии и сверхурочные, а этот... Нет, он тоже старается. И выбивает. И премиальные, и сверхурочные, и еще Псэт³ знает какие. Вот только не для полицейских, а для себя. И ведь не прижмешь гада, не пожалуешься на него никуда – вмиг с работы вылетит. Связи решают все, а нынешний капитан был двоюродным братом полковника из Комитета полиции. Псэтова жизнь в псэтовой стране, но деваться некуда... И ведь пошла бы на другую работу, где и платят больше, и работать надо меньше – но такую работу еще найти надо, значит, сперва надо уволиться. А пока Аре не выплатит долг, никто ей уволиться не позволит. Вот ведь угораздило влететь с этим рабочим займом...

Лейтенант снова выругалась, вспомнив, как ее втравили в эту авантюру. Совершенно государственную и законную.

Год назад Ена, ее младшая дочка, заболела какой-то дрянью. Ее обследовали несколько раз, но так ничего и не нашли, пока Аре не заплатила врачам и девочке не сделали все необходимые анализы. Сделав же, сообщили, что лечение обойдется в сто пятьдесят тысяч сьеров, и это при том, что месячная зарплата женщины составляла менее двадцати тысяч, плюс пособия на детей – еще шесть тысяч. При нынешних ценах на жилье и продукты деньги просто смешные, на взрослую-то женщину и двух детей трех и шести лет.

Аре поняла, что придется влезать в долги. Она понятия не имела, как будет потом отдавать такую кошмарную сумму – но какое это имело значение, когда малышка Ена могла умереть? Лейтенант посоветовалась с сослуживцами, и кто-то упомянул про государственный служебный заем, доступный только работникам госслужб. Этот заем давался на неопреде-

---

¹ Мирры развиваются быстрее людей, официальное совершеннолетие – в четырнадцать лет.

² Слабоалкогольный напиток, похожий на пиво.

³ Видимо, пережиток прошлого, тех времен, когда существовала религия. Сейчас – просто цензурное бранное слово.

ленный срок – в зависимости от суммы, и проценты на него шли куда меньшие, нежели на кредиты в частных банках, всего лишь двадцать пять процентов в год от всей суммы. Подумав, Аре пошла в бухгалтерию ее полицейского штаба оформлять заем. Около тридцати тысяч ей удалось занять у знакомых, оставалось сто двадцать.

Деньги перечислили на удивление оперативно, и уже через день лейтенант заплатила за весь цикл лечения. Разумеется, сверх установленных полутора сотен тысяч пришлось еще немало заплатить за лекарства, сиделок и так далее – но женщину это не смутило; кроме того, в договоре было указано, что за первый просроченный платеж штраф не начисляется. В общем, через месяц Ена была почти здорова, и Аре спокойно вернулась к работе.

Катастрофа грянула спустя полгода. Лейтенант в очередной раз пришла сдавать взнос и заодно поинтересовалась состоянием счета, решив уточнить, правильно ли она все посчитала. Результаты оказались шокирующими – из ста двадцати тысяч съеров погашено было только девять, хотя Аре точно помнила, что внесла она ровно тридцать шесть тысяч! На следующий день она, охваченная негодованием и некоторым страхом, пришла со всеми платежными документами. И вот тут-то и открылась правда.

Да, женщина заплатила тридцать шесть тысяч. Но большая часть этих денег уходила на погашение пени, начисленных за... двухчасовую просрочку второго платежа!

Аре взвыла и приволокла в бухгалтерию знакомого юриста – который, впрочем, гневно-презрительно встопорщил усы, узнав, во что ввязалась его приятельница. Юрист внимательно просмотрел договор и указал лейтенанту все спрятанные в нем «мины». Аре трезво прикинула – и поняла, что расплачиваться по кредиту будет еще четыре года, при этом ее зарплата вместо почти двадцати тысяч составит всего двенадцать.

Следующий удар грянул спустя еще два месяца. В связи с резким подорожанием продуктов питания Комитет все же пересмотрел зарплаты сотрудников и повысил их на двадцать процентов. Всем, кроме имеющих служебный заем.

В общем, теперь Аре оказалась как бы в плену собственной должности. Погасить кредит досрочно она не могла – слишком большие деньги, ей такие взять было неоткуда. А уволиться до погашения не имела права. Вот и работала сутками, договорившись с сердобольной соседкой, взявшей присматривать за ее девочками – благо, у той своих четверо было, от двух до восьми лет, и Ена с Утой прекрасно вписались в компанию.

Лейтенант трянула головой, отгоняя неприятные мысли и вновь сосредотачиваясь на толпе. «Вот же сходят с ума мирры!» – подумала она, глядя на соотечественников, стекающих к помосту в центре площади. Ее бы воля – запретила бы к Псэту все эти шарлатанские выступления! «Тоже мне, целитель нашелся!» – Женщина почти с ненавистью посмотрела на помост, на который поднимался очень крупный мирр полностью черного окраса.

Этот тип, называющий себя просто Учеником, появился в городе две недели назад. И тут же провел «массовое исцеление», вылечив от всяких болячек десятка два полусумасшедших, согласившихся поучаствовать в его безумии. Причем вылечил совершенно бесплатно. Об Ученике немного потрепались в вечернем выпуске газеты и забыли. Ровно на пять дней – то есть пока он не провел еще одно исцеление. На следующий день в двух разных журналах появились совершенно противоположные статьи – одна о наглom и бесцеремонном шарлатане, наживающемся на чужом горе (явно оплаченная Комитетом Здоровья, а уж кто бы говорил!), и, наоборот, хвалебная. Ее автор восторгался способностями и добротой Ученика, до небес превознося его имя, и рекомендовал всем желающим обязательно прийти на следующее исцеление, которое состоится... Ну, собственно, вот прямо сейчас оно и должно было состояться.

Аре окинула взглядом площадь. Да, столь разный тон статей сделал свое дело, и пиар-акция получилась великолепной. Собралось более двух тысяч граждан. Лейтенант даже подумала на минуту, что, возможно, ругательная статья была написана по заказу не Коми-

тета Здоровья, а самого Ученика. Впрочем, на следующий день после выхода статьи глава Комитета заявил, что не намерен терпеть такое наглое надувательство горожан и на исцеление пришлет несколько бригад врачей, которые обследуют «исцелившихся» с целью доказать факт шарлатанства. Широкие полугрузовые мобили этих самых бригад уже заняли свои места на площади.

Тем временем Ученик подошел к установленному на краю помоста микрофону и заговорил. Аре замерла на несколько секунд, не сразу найдя в себе силы преодолеть наваждение – глубокий, бархатный голос мирра словно бы обволакивал и наполнял теплом каждую клеточку тела, от этого голоса странно, но приятно шевелилась шерсть и хотелось подойти как можно ближе, оказаться рядом, коснуться его шелковистой черной шкуры...

– Я рад видеть вас всех, друзья мои. – Ученик уважительно поклонился. – Я благодарен вам за доверие и за то, что вы пришли сюда, невзирая на сомнения. И я обещаю вам это доверие оправдать. Но в то же время прошу помнить, что силы мои небезграничны и помочь сразу всем желающим я не в состоянии, поэтому я хотел бы, чтобы те, кому требуется моя помощь, подходили ко мне по пятеро. Прошу вас!

Мимо Аре пробежал капитан, бросил распоряжение – мирра вместе еще с шестью полицейскими, ловко рассекая толпу, пробралась к помосту, оказавшись совсем близко от Ученика.

Тем временем по деревянной лестнице поднимались – сами или же с чьей-либо помощью – пятеро мирров. Оказавшись на помосте, они расселись в приготовленные кресла. Целитель подошел к крайнему из них, протянул лапу, задержав на миг растопыренные пальцы над головой кандидата на исцеление, и, удовлетворенно кивнув, перешел к следующему – рыжему мирру лет тридцати. Возле него Ученик задержался чуть дольше, а потом отступил на шаг и отрицательно покачал головой.

– Вы не подходите. Покиньте помост, – холодно процедил он, пушистый черный хвост дергался из стороны в сторону, выражая крайнее недовольство.

– Это почему я не подхожу? – ощерился рыжий. – У меня больное сердце! Или вы берете на помост только ваших подосланных?

– Это вы – подосланный, – чуть заметно оскалился мирр. – И сердце у вас здоровое, как и организм в целом... не считая небольшого геморроя. Или мне объявить вслух ваше имя и показать собравшимся вашу медкарту? Покиньте помост!

Засланец зашипел, но ушел. А целитель подошел к каждому кандидату и прогнал еще двоих – причем прогнал так, что те ушли хоть и скалясь, но чуть поджимая хвосты и высказывая свое недовольство совсем негромко.

Вместо выгнанных Ученик сам выбрал и позвал на помост других троих, двое из которых были калеками – у одного не хватало глаза, другой же не имел правой передней лапы.

– Я еще раз говорю, пока что моих сил не хватит на всех! – с грустью в голосе проговорил целитель, обращаясь к толпе. В его голосе слышались виноватые нотки. – Но если я буду тратить силы на тех, кто не нуждается в моей помощи, я не смогу помочь тем, кому помощь нужна на самом деле. Поэтому я очень прошу всех тайных сотрудников Комитета Здоровья более мне не мешать – я все равно вижу, кто действительно болен, а кто лишь притворяется таковым, как якобы одноногий юноша полосатого окраса в первом ряду! – На последних словах голос Ученика стал громче.

На полосатого калеку, на которого только что смотрели с сочувствием, теперь начали бросать подозрительные и даже откровенно презрительные взгляды. Тот открыл было пасть, чтобы возмутиться, но промолчал – и это оказалось показательнее любых слов целителя.

– Что ж, не будем тянуть. Я начинаю!

Он выпрямился во весь рост – Аре в который раз подивилась тому, каким огромным вымахал этот мирр, его рост достигал почти двух метров! – и подошел к первому кандидату.

Встал за его спиной, положил лапы на плечи – и в следующее мгновение толпа, негромко ахнув, подалась вперед.

Обоих мирров окутало непроницаемое черное облако, спустя несколько секунд начавшее таять. В полупрозрачной дымке можно было разглядеть силуэты целителя и исцеляемого. По их шерсти струились, искрясь, яркие молнии, а сам туман, вначале черный, теперь переливался всеми цветами. Через полминуты дымка рассеялась, и Ученик тут же перешел ко второму пациенту, их обоих мгновенно окутало черное облако.

Но собравшиеся на площади мирры смотрели на первого. Полуседой коричневый мужчина, поднявшийся на помост только с помощью молодого человека из толпы, медленно распрямлялся. В его глазах отобразилось крайнее изумление и неверие. Выпрямившись во весь свой немалый рост, он вытянул вперед лапы, выпустил когти – и прыгнул, с места покрыв расстояние в пять метров. И это он еще полчаса назад еле ходил?! Глаза пожилого мирра горели огнем, хвост возбужденно хлестал по бокам...

Тем временем Ученик закончил со вторым пациентом, который немедленно вытаращил глаза на свою переднюю левую лапу... которой только что не было.

Когда целитель закончил с пятым, толпа редела. Толпа поверила. Толпа хотела еще. И толпа свое получила.

Ученик держался до последнего, даже когда его начало шатать от усталости и истощения, он продолжал исцелять. На помост поднялась четырнадцатая группа...

Он сломался на шестнадцатой. Точнее, на третьем ее пациенте. Как обычно, подошел со спины, положил лапы на плечи – и, пошатнувшись, рухнул на пол. К нему тут же подбежали несколько мирров, пришедших с ним, кто-то подтащил носилки, на которых положили истощенного до предела целителя, и его быстро унесли. Мелкий серый мирр подошел к микрофону.

– Простите, но на сегодня все. Приходите через неделю, если нам не запретят, Ученик вновь будет исцелять. – Мирр поклонился и ушел вслед за товарищами, осторожно укладывающими носилки в большой мобиль, стоящий за помостом.

Аенгрост, Аргонрадская Федерация, Аре-о-Ката Дирити, лейтенант полиции, несколько дней спустя

День выдался сложный. Сперва пришлось небольшим отрядом успокаивать и разгонять толпу демонстрантов, в которой завязалась драка, потом ездили на задержание – Аре сто раз прокляла свою страну и свою работу, когда застегивала наручники на худых лапах молодого, но уже полуседого мирра, воровавшего в продуктовых магазинах самообслуживания, чтобы прокормить семью. Его выгнали с работы за конфликт с начальством, жена умерла несколько лет назад, и он остался один кормить троих детей. Теперь малыши должны были попасть в приют... и либо погибнуть, либо вырасти маленькими, озлобленными зверенышами, готовыми рвать глотки за кусок хлеба.

После задержания, препроводив заключенного в следственную тюрьму, Аре отправилась на патрулирование, потом пришлось остаться на ночное дежурство... Мирра позвонила домой, велела старшей дочери, Уте, покормить маленькую Ену и поесть самой и пообещала завтра прийти не очень поздно. Ута сделала вид, что поверила.

Дежурство, против обыкновения, прошло спокойно. Лейтенант даже смогла немного подремать на неудобной кушетке... вернее, попыталась подремать.

Сон не шел. Вместо него в голову лезли всякие дурацкие мысли. Что-то на тему странного мирра, называющего себя Учеником, о том, что он ведь *на самом деле* исцелял – Комитет Здоровья замаял эту тему, но их работники, обследовавшие тех, кто поднимался на помост, только уши прижимали – все были здоровы! Отрастали новые конечности, выздоравливали

пораженные кангейревой болезнью⁴ органы, возвращались зрение и обоняние... в общем, происходило то, чего происходить просто не могло. Чудеса, мистика, неестественное... но, псэт задери, хорошее!

Аре всю свою жизнь считала себя прожженной материалисткой. Она не верила ни в другие миры, ни в чужеземные цивилизации, ни в колдовство, ни в чудесные исцеления – пока у нее на глазах у старого Река из кондитерской не появилась новая лапа. Мирра много раз заходила к нему в лучшие времена, когда могла себе позволить купить пирожных девочкам к чаю, и точно знала, что Рек перемещается на трех лапах, а когда стоит за прилавком, то опирается на специальный костыль. Но на следующий день после исцеления на площади Аре, заметившая на помосте старого кондитера, не удержалась и зашла к нему. Тот, абсолютно счастливый, обслуживал покупателей, коих набралось больше, чем когда-либо за последние несколько лет – все хотели мельком взглянуть на чудо, ну и заодно отоваривались, дабы скрыть интерес.

Лейтенант покупать ничего не стала – денег не было. Но прекрасно видела, как Рек весьма споро передвигается по лавке на *двух задних лапах*, одной из которых у него еще два дня назад не было.

И теперь мирра никак не могла понять, то ли это она и весь мир ошибались и чудеса все же случаются, либо же все пали жертвой какой-то колоссальной мистификации... что, конечно же, вероятнее.

Дежурство так и прошло в тишине и спокойствии, сменившись очередным серым, блеклым, уже когда-то прожитым днем, в котором не было места даже самым расчудесным чудесам.

Домой Аре попала только ночью. Исцеление закончилось в середине вечера, а потом пришлось еще два часа успокаивать разошедшуюся толпу, требовавшую еще чудес, и почти насильно разгонять мирров по домам. Потом рапорт, отчет, расспросы коллег, работавших в других точках города... В общем, на город уже давно опустилась ночная мгла, когда мирра наконец вошла в свою маленькую квартирку.

На негромкий писк электронного замка в коридор высунулась старшая дочь, Ута. Посмотрела на мать, тяжело вздохнула.

– Здравствуй, мам.

– Привет, моя хорошая. – Аре повесила сумку на крючок и обняла котенка, почесав ту за ухом. Ута недовольно дернула хвостом – хватит уже, не маленькая! – но сопротивляться не стала.

– А где Ена?

– Спит уже. Весь вечер прохныкала, есть просила, а потом успокоилась и уснула. Мам, а ты на ужин что-нибудь купила?

Мирра чуть прижала уши.

– Так ведь еще овощи оставались... и консервы рыбные.

Ута фыркнула.

– Ты когда в холодильник заглядывала, мам? Консервы еще вчера доели, а овощи я на утро сделала. Гадость, но есть можно.

Аре мысленно выругалась. А ведь и точно, она же три дня как на склад не заходила и большую часть времени провела на работе – вот и не заметила, что припасы закончились.

– Так я сейчас схожу за продуктами, а ты пока тарр завари, хорошо?

– Тарр тоже закончился. Давай я с тобой схожу, надоело весь день в квартире сидеть.

---

⁴ Размягчение костей. Считается неизлечимым современными средствами.

– А в школе ты что, не была? – строго поинтересовалась лейтенант, глядя, как дочь зашнуровывает рубашку.

– Мам, сегодня выходной, – почти что с жалостью проговорила та. – И мы сегодня не учимся. А уроки я сделала со скуки на неделю вперед.

– Ладно, пойдем.

На улице было свежо и пустынно. Квартира мирров располагалась в небольшом дешевом квартале, не то чтобы трущобы, но район тихий и удаленный от центра города. Знакомые побогаче презрительно щерили усы, а Аре и котяткам нравилось – не шумно, много зелени, и речка неподалеку, хоть и не очень чистая, но если потом принять душ, то купаться в жаркую погоду можно.⁵

Мать и дочь, негромко переговариваясь, шли по улице в сторону большого продовольственного склада. Власти города экономили на магазинах, и потому в небольших районах были огромные склады самообслуживания – по одному на весь район. Нет, были частные маркеты, но цены там попросту пугали, потому простые жители и отстаивали многомиллионные очереди на складах.

Квартира Аре находилась довольно далеко от районного склада, и потому идти пришлось долго. Лейтенант здорово устала за последние несколько дней и предложила дочери срезать дорогу через парк. Ута согласилась...

Когда мирры ступили под сень высоких, стройных тизалисов, Аре на миг ощутила укол беспокойства. Об этом парке ходило немало слухов, в народе его называли двуличным лесом – днем здесь беззаботно играли детишки, прогуливались молодые парочки и пожилые мирры, а вот ночью... Если верить слухам, то ночью в парке собирались псэтопоклонники⁶ и проводили свои кровавые ритуалы, желая вызвать из прошлого жуткого демона. Впрочем, кто и когда всерьез воспринимал подобные бредни? Причину слухов о кровавых оргиях Аре прекрасно знала – полтора десятка лет назад несколько сумасшедших маньяков и вправду зверски убили здесь троих мирров, а во всяческую мистическую и околوماгическую дребедень вроде демонов и магов она, как и всякий здравомыслящий мирр, не верила. «Все это колдовство, и то, что с ним связано – это сказочки для котят!» – подумала лейтенант... и тут же вспомнила произошедшее несколько дней назад на площади. Отросшие конечности, вернувшееся зрение, исцеленные болезни, которые считались неизлечимыми...

«Вздор! Наверняка это тоже имеет научное обоснование», – решительно оборвала она себя.

Однако парк менее зловещим выглядеть не стал, скорее наоборот – ветер усилился, раскачивая деревья, чьи старые стволы жалобно поскрипывали на разные лады, заунывно завыв в кронах, шелестя листвой... Луна скрылась за клочковатыми свинцовыми облаками, оставив после себя в небе только мертвенное пятно едва проступающего света. Где-то вдалеке хрипло, с надрывом, закричали птицы.

В этой ночной симфонии иного, враждебного мира никакая логика и материализм не спасали от порождений фантазии. За каждым аккуратно подстриженным кустом, в кроне каждого дерева и в тени каждой скамьи Аре мерещились затаившиеся тени, выжидающие только удобного момента, чтобы броситься и... Что должно было последовать после, фантазия подсказывать отказывалась.

Лейтенант полиции гневно хлестнула себя хвостом по бокам.

«Вот же глупости в голову лезут! И все из-за этого псэтова целителя, пропади он...»

Усилием воли она заставила себя не думать о тенях. В конце концов, за раскидистыми зарослями леакра могла скрываться куда более реальная угроза в лице грабителей или попро-

---

⁵ В отличие от кошек, мирры воды не боятся и с удовольствием купаются.

⁶ Аналог земных сатанистов. Считают Псэта могущественным демоном.

сту молодых отморожков, любителей поиздеваться над тем, кто не может защититься. Впрочем, к таковым себя Аре не причисляла, да и Ута, хотя и малышка совсем, но тоже ходит на курсы самозащиты и вполне способна отбиться от парочки нетрезвых подростков. Кроме того, мирра всегда носила при себе табельный электрет.⁷

Сама того не заметив, лейтенант ускорила шаг. Не ощущающая никакой угрозы Ута хотела было возразить – но, заметив, что шерсть на загривке матери поднялась дыбом, благо разумно заткнулась и даже позволила взять себя за лапу.

Говорят, что если постоянно ждать беды, высматривая ее за каждым углом, то беда не замедлит появиться, причем в тот самый момент, когда ждешь ее меньше всего. Вот и в этот раз так получилось. Мирры уже прошли середину парка, миновав самую темную и густо заросшую его часть, и Аре немного успокоилась, даже уши ее, все еще нервно подергиваясь, уже не прижимались к голове, как из-за темнеющих по обе стороны леаковых кустов вышли четверо – двое спереди и двое сзади.

Высокие, крепко сложенные и очень гибкие – сразу видно, что неплохие бойцы, до лейтенанта полиции каждому, конечно, еще далеко, но скопом справятся – если не брать в расчет оружие. А оно у мирров имелось – один держал полицейский электрет, двое других ограничились ножами, а вот четвертый сжимал, ни много ни мало, спецовский⁸ плазмер – и где только его взял?

– Деньги, оружие, драгоценности – быстро! – скомандовал палевый мирр, направляя плазмер на Аре. Его приятель с электретом целился в Уту.

Ситуация была препаршивейшая. Все преимущества были на стороне нападающих: оружие, количество, а главное – они уже успели прицелиться. Если бы лейтенант была одна, она бы вступила в схватку, ее физическая и боевая подготовка давала достаточно шансов уцелеть, при этом справившись со всеми четверьмя, но Ута... С другой же стороны, на деньги, которые были у Аре с собой, она намеревалась купить продукты сразу на десять дней вперед и как-нибудь с этим запасом протянуть до зарплаты. Иными словами, других денег у семьи не было и в ближайшие десять дней не предвиделось.

Впрочем, какое деньги могли иметь значение, если под угрозой оказалась жизнь ее котенка?!

– Хорошо, я сейчас все отдам, – максимально спокойно проговорила мирра, втягивая когти и делано трусливо прижимая уши. – Только не стреляйте, пожалуйста...

– Нам нужны только деньги и оружие, – холодно отозвался главарь. – Мы не причиним вам вреда, если вы сами не наделаете глупостей.

Аре медленно, стараясь не делать резких движений, полезла в поясную сумку, где лежало около трех тысяч сьеров. Там же был электрет, но рисковать жизнью Уты она не имела права.

– Вот деньги. – Лейтенант бросила тоненькую пачку купюр по сто сьеров под ноги палевому. Тот, не отводя оружие, лапой пододвинул деньги к одному из вооруженных ножом мирров, тот быстро поднял, пересчитал.

– Здесь три тысячи сто, – бросил он.

– У меня больше нет, – тихо проговорила Аре, сжимая кулаки и выпуская когти так, что они вонзились в ее же лапу. Горло сжимала судорожная хватка еле сдерживаемых рыданий – чем теперь кормить детей?!

– Оружие, – продолжил главарь.

Мирра медленно вытащила из сумки электрет и бросила его на землю.

---

⁷ Электрический пистолет, стреляющий аналогами шаровых молний различного напряжения.

⁸ От жаргонного слова «спец», т. е. солдат спецвойск. Что-то вроде спецназа.

«Вот теперь мне конец. Потеря табельного оружия – штраф в половину оклада...» – как-то отстраненно подумала она.

Электрет исчез в лапах одного из помощников. Палевый отступил на пару шагов.

– Простите, – неожиданно бросил он. – Ваши деньги и оружие пойдут на правое дело.

– Плевать мне на ваше дело, мне детей кормить нечем, – беспомощно зло огрызнулась лейтенант. Ей было уже почти все равно.

– Ваши дети поголодают ради великой победы, – не согласился палевый.

Аре аж передернуло от такой высокопарной бредятины. Только тут она, присмотревшись, поняла, что главарю, который был старшим в этой четверке, едва ли минуло четырнадцать. «И где только они раздобыли оружие?»

– Получил, что хотел? Теперь оставь нас в покое, будь добр! – Мирра уже жалела, что отдала электрет. Мальчишки только пугать горазды, реально применить оружие против женщины и девочки они вряд ли решились бы. Хотя рисковать все равно нельзя было...

Палевый осклабился и развернулся, намереваясь уйти. И тут произошло то, чего не предполагал никто.

Все случилось так быстро и так неожиданно, что Аре даже не успела ничего предпринять. Мимо нее рванулась словно бы взбесившаяся серая молния. Ута в прыжке располосовала когтями задних лап грудь одного из бандитов, вооруженных ножом, наугад ударила в лицо другого, вооруженного электретом, – попала, мальчишка с воем рухнул на землю, схватившись за окровавленную физиономию. А маленькая мирра уже приземлилась на все четыре, толкнулась, снова прыгнула, уже целясь на палевую спину...

Раскаленный сгусток плазмы опалил воздух. Тоненько взвизгнув, Ута рухнула на землю, резко запахло горелой плотью и шерстью. Главарь, обернувшийся на крик одного из подельников и с перепугу выстреливший, сделал несколько шагов назад. Он с ужасом глядел на маленькое тельце, скорчившееся на посыпанной мелким гравием дорожке, плазмер выскользнул из непослушных пальцев.

Странное оцепенение, охватившее Аре, спало. И тогда она поняла, что мать в ней гораздо сильнее, чем лейтенант полиции.

Мирре не было дела ни до малолетних грабителей, ни до раненого, до сих пор тихо подвывающего под кустом, ни до чего. Она рухнула на землю рядом с дочерью, положила лапу на шею, пытаясь прощупать пульс под густым серым мехом – пульс еще был. Еще...

Заряд плазмера выжег большую часть живота, сильно задел грудную клетку и спалил до локтя правую переднюю лапу. Кровотечения не было, да и быть не могло – края ран обуглились и запеклись. Почему-то Ута не умерла на месте от болевого шока, но жить ей оставалось несколько минут...

Аре застыла в оцепенении. Мир рушился, умирал перед ней, мир весь воплотился сейчас в маленьком обожженном теле ее старшего котенка. И все остальное прекращало существование в эти мгновения.

Лейтенант не заметила, как за ее спиной возникла черная тень и как остолбеневшие грабители попытались было броситься прочь – но не успели, прикованные к земле какой-то страшной, сверхъестественной силой, в существование которой мирра не верила.

Кто-то осторожно, но сильно сжал ее плечи, вынуждая подвинуться. Аре резко обернулась, оскалилась, выпуская когти – ни одна тварь не посмеет забрать у нее последние мгновения жизни дочери! А в следующий миг она тихо вскрикнула, не в силах еще поверить в то, что чудеса бывают и одно из них только что произошло с ней.

И мирра уже не сопротивлялась, когда Ученик настойчиво отодвинул ее в сторону, сел прямо на землю рядом с умирающим котенком и положил одну лапу Уте на лоб, подняв вторую над страшной раной.

Уже знакомое непроницаемое черное облако. Полупрозрачная дымка, переливающаяся мириадами цветов и оттенков, и разноцветные молнии, стекающие по шерсти. Невозможное, невыносимое сияние глаз целителя. Яркие искорки прямо в плоти маленькой мирры... искорки, прямо на глазах становящиеся новой плотью.

Через несколько секунд Ученик медленно поднялся, подхватывая почти невесомое тело Уты.

– Завтра утром она придет в себя. Я сделал так, чтобы она не помнила этого происшествия, не стоит калечить детскую психику, – негромко проговорил он, передавая ребенка Аре. Та все еще неверяще посмотрела на дочь, на ее животик, покрытый светло-серым пухом и не имеющий ни единого следа страшной раны – и бессильно осела на землю.

– А что теперь с этими делать? – чуть слышно спросила лейтенант, дернув хвостом в сторону замерших грабителей. «Почему они не сбегают?» – пронеслась удивленная мысль и тут же забылась.

– То, что испокон веков надлежит делать с детоубийцами! – неожиданно жестко проговорил целитель, его глаза наполнились ненавистью... и это показалось Аре, с одной стороны, неестественным, неприемлемым для того, кто абсолютно даром спасает чужие жизни и лечит, не щадя себя, а с другой – совершенно *правильным*, словно бы созданным именно для этого мира.

Он дернул лапой – главаря словно бы какой-то силой протащило по воздуху и подтянуло к Ученику. Тот на несколько секунд взгляделся в полубезумные, полные животного ужаса глаза пленного и презрительно ухмыльнулся.

– Мальчишка! Не нравится порядок в стране? Хочется «сделать мир лучше»? И каким же образом? Очередной отряд сопротивления властям, хорошо вооруженная группа террористов, выжимающая шантажом деньги из олигархов и раздающая их бедным. Где-то я уже слышал такую песню... Только с чего же вы начали, спасители отечества? С украденного у папы-спеца плазмера? С убийства продажного полицейского, у которого вы украли электрет? С грабежа несчастных женщин, не способных защититься от четырех отморожков? Со смерти ни в чем не повинной девочки, которая только и хотела, что защитить свою маму и сестренку, понимая, что иначе есть будет нечего? Знаешь, дружок, у тебя в голове слишком много дурацкой поговорки: цель оправдывает средства. Так вот, запомни: не всегда. Далекое не всегда. Хотя это знание тебе вряд ли пригодится...

Ученик оглянулся на мирру, до сих пор не пришедшую в себя от шока, и недовольно шевельнул усами. Не стоит ей видеть *это*...

Аре только и успела почувствовать, что ее сознания словно бы коснулось что-то мягкое и немного щекотное, и она словно бы на некоторое время выпала из реальности. Такое бывает при сильном потрясении.

Она не видела, как движением кисти Ученик перенес главаря на полдесятка шагов от себя, не видела, как палевую шерсть охватило черное пламя, не слышала диких воплей медленно и мучительно сгорающего заживо мирра...

– Детоубийцы не имеют права жить, – холодно прозвучал приговор, хотя приговоренный его уже не слышал.

Она не видела, как целитель нарисовал пальцами в воздухе сложный символ и перед ним распахнулась черная рамка портала, из которого появились трое мирров, быстро уволокших с собой оставшихся грабителей, у одного из которых Ученик предварительно отобрал деньги и ее электрет.

Когда Аре вновь начала осознавать реальность, она с удивлением обнаружила, что сидит на заднем сиденье мобиля, а рядом с ней клубочком свернулась тихонько посапывающая во сне Ута.

– Где я? – Мирра судорожно дернулась, машинально пытаясь выхватить электрет, но на ее запястье мягко легла покрытая густой черной шерстью лапа.

– Не надо, прошу вас, – негромко прозвучал обволакивающий голос Ученика. – Все закончилось, вам никто не причинит вреда. Через пару минут вы будете уже дома.

Лейтенант поймала его взгляд и несколько секунд пристально вглядывалась в необычайные антрацитовые глаза. Потом медленно выдохнула.

– Хорошо...

Через несколько секунд мобиль остановился. Мирр протянул водителю купюру и открыл дверь, помог выйти Аре, вытащил котенка и прихватил большую сумку, лежавшую до того под сиденьем.

Оглядевшись, женщина с удивлением поняла, что находится возле собственного дома, у самой парадной.

– Вы не будете против, если я помогу вам донести ребенка до квартиры? – немного извиняющимся тоном проговорил ее неожиданный спутник.

– Н-нет, конечно, – запинаясь, ответила она. – Но... откуда вы узнали мой адрес?

Ученик усмехнулся.

– Простите, мне пришлось заглянуть в вашу карточку. Вы были почти без сознания, и мне надо было узнать, куда вас отвезти, – виновато сказал он; кончик хвоста подергивался, выдавая волнение.

Аре через силу рассмеялась.

– Ну что вы, не извиняйтесь. Вы такое для меня сделали, что... я даже не знаю, как вас отблагодарить! – Она в который раз бросила полный затаенного страха взгляд на Уту. Если бы не он, то малышка была бы уже мертва...

– Отблагодарите меня чашкой крепко заваренного тарра, если не сложно, – улыбнулся черный мирр. Лейтенант смутилась.

– Я боюсь, что у меня дома сейчас даже тарра не найдется, не то что еды...

– А здесь что, по-вашему? – Он показал ей плотно набитую сумку. – Я тут прихватил кое-чего, пока вы еще не пришли в себя. Кстати, ваш электрет. – Ученик извлек оружие из кармана и протянул ей рукоятку вперед.

– Спасибо! Ох, что же я... пойдете в квартиру, надо уложить Уту и заварить тарр...

Спустя два часа Аре и Ученик сидели на маленькой кухне и пили крепкий травяной настой. В отставленных в сторону тарелках виднелись остатки роскошного ужина, подобного которому в этой квартире не было давно – мирр разорился на натуральное мясо и рыбу и даже купил бутылку веллERTA,⁹ причем высшего качества.

Разговор тек плавно и неспешно. Конечно, Аре не терпелось спросить, в чем секрет чудодейственных исцелений Ученика, но было как-то неудобно, и потому обсуждали они пока что просто всяческие случаи из жизни. Вернее, говорила в основном мирра, гость преимущественно слушал, иногда задавая дополнительные вопросы. Женщина сама не заметила, как рассказала ему нехитрую историю своей жизни. Детство в небогатой семье, гибель родителей, когда она только закончила школу, изнасилование, от которого осталось полное равнодушие к близким отношениям, решение пойти работать в полицию и Ута. Потом недуманное и поспешное замужество – он обещал помочь содержать дочку, а когда Аре случайно забеременела второй раз, потребовал, чтобы она пошла в клинику и избавилась от ребенка. Она отказалась, он подал на развод. Купленная на общие деньги квартира осталась ему, мирра вернулась в крохотную квартирку, оставшуюся от родителей. Вскоре родилась

---

⁹ Крепкий алкогольный напиток, похожий на виноградную наливку.

Ена, некоторое время семья жила кое-как, но сводя концы с концами, а год назад малышка заболела, и Аре влезла в кредит...

История, похожая на тысячи других подобных. Эта страна была безжалостна к тем, кто не входил в ее элиту.

Потом плавно перешли на обсуждение политики, но неприятная тема быстро исчерпала себя. И разговор потек сам собой, перепрыгивая с темы на тему и меняя направление беседы чуть ли не ежеминутно.

– Вы же хотите спросить, как я исцеляю, в чем секрет? – внезапно грустно поинтересовался Ученик.

Мирра немного смутилась.

– Ну... Вообще я хотела спросить, как вас зовут на самом деле, но и это тоже.

– Как меня зовут? – Лейтенанту показалось, что собеседник едва подавил усмешку. – Называйте меня Нарх, если это удобно.

– Нарх... – Аре покатала на языке непривычно звучащее имя. – Необычно звучит.

– Я издаю. – В глазах мирра мелькнули лукавые смешинки. – А что касается того, как я исцеляю... пока не почувствуете на себе, не поверите.

– Я надеюсь, мне не придется! – вздрогнула женщина. – Хотя интересно очень.

Несколько мгновений Нарх размышлял, потом хмыкнул в усы.

– Дайте мне лапу. И не бойтесь, боли вы не почувствуете.

Скажи это кто другой, Аре ни за что бы не поверила. Но этому черному мирру она доверяла теперь больше, чем самой себе. И потому после секундного размышления протянула правую лапу.

Ученик взял со стола острый нож, внимательно посмотрел на ладонь лейтенанта – а потом безо всякого предупреждения полоснул отточенным лезвием до самой кости. Мирра вздрогнула в первый момент от неожиданности – а потом с изумлением уставилась на рану. Она готова была поклясться, что Нарх не использовал обезболивающих, но никаких болевых ощущений она не испытывала!

А целитель расправил над раной пальцы и на мгновение задержал дыхание. И края глубокого разреза прямо на глазах начали соединяться, срастались мышцы и кожный покров, и через десять секунд от глубокой раны не осталось даже следа.

– Как вы это делаете? – с изумлением спросила Аре.

– Не могу объяснить. Можете считать это даром. Простите за порез, просто очень не хочу, чтобы вы считали меня шарлатаном.

– После того как вы спасли Уту, я и не считала, – немного обиженно проворчала мирра. Нарх покаянно опустил голову, лейтенант рассмеялась.

Он ушел после рассвета, посоветовав ей выспаться и пообещав обязательно зайти. Аре последовала совету, хотя думала, что уснуть сможет не скоро.

Как и всегда в подобных мыслях, она ошиблась. Мирра заснула буквально через пять минут после того как легла, и впервые за долгое время ее сон был приятным и легким, и полным ярких, красочных сновидений... в которых неизменно присутствовал черный мирр со странным именем Нарх.

Второй спутник Аенгроста, база мирров, Вольфганг Шварц-Кениг, глава «Ордена Свободы», 28-й день нерева, год 528 (летоисчисление местное)

– Но зачем так жестоко? – Тот, кто знал Йона хорошо, тот понимал, что старый боевик потрясен. – Я понимаю, что они много чего натворили, но *так-то* зачем? Ведь девочку удалось спасти, да и не намеренно он в нее стрелял, рефлексы сработали!

– Мне плевать на рефлексы и рефлексии подростков с промытыми пропагандой оппозиции мозгами, – холодно отозвался Нархгал, удобно устроившийся в кресле. – Детоубийцы, даже несостоявшиеся, жить не должны – слишком уж много у них шансов стать состоявшимися.

– Но...

– Йон, достаточно! – резко оборвал его Вольфганг, до того незримой тенью стоявший у искусственного окна. – Нархгал прав. Детоубийство не прощается, и кара только одна – смерть!

Перед глазами бывшего эсэсовца вновь встала страшная картина заживо прибитых гвоздями к стене русских детишек. В этом плане немец полностью разделял мнение Дракона.

Упомянутый дракон, сейчас – в своем обычном обличье эльфа, обманчиво-хрупкой статуей застыл в кресле. В его черных глазах плескались отголоски лютой ненависти.

Йон поклонился и отступил на шаг.

– Как прикажете, – немного обиженно проговорил он. – Мне продолжать доклад?

– Продолжайте, – безэмоционально ответил Нархгал.

– Те трое, которых вы перебросили на базу, готовы войти в Орден Свободы. Они говорят, что хотят искупить содеянное, и я им верю.

– Пусть войдут. – Эльф равнодушно передернул плечами. – Мне-то что. Нам лишняя боевая сила не помешает.

– Именно.

– Лучше скажи, что там по проекту.

– Пока нельзя ничего утверждать с высокой точностью, но вероятность успеха тактики «Целитель/Диктатор» достаточно высока. Главное – не упустить момент, когда следует сменить прятки на кнут.

– Не упустим. Ладно, с этим понятно. Вот еще что я хотел... Как у нас сейчас с финансами?

– На удивление хорошо, – отозвался Вольфганг от окна. – Мы завершили несколько проектов и сейчас располагаем достаточно крупными даже в масштабах Первой республики суммами. А что?

– Есть у меня одна идея... – Нархгал хищно улыбнулся, в его глазах загорелся огонек азарта, заглушивший даже обычное для него высокомерие. Обычное с тех пор, как к нему вернулась память.

– Что за идея?

– Довольно интересная. Вот только действовать придется жестко.

– Жестко – значит жестко. Хуже, чем сейчас, вряд ли будет, – пожал плечами бывший эсэсовец. Дракон усмехнулся.

– Разве? Мирры не настолько отличаются от людей, насколько хотелось бы. Скажите спасибо, что у вас хотя бы не процветает рабство, какая-нибудь изощренно-жесточкая религия или еще что похуже.

– Нам хватает того, что есть, – холодно процедил Вольф.

Он уже множество раз проклял Лексану за то, что та так не вовремя появилась у базы и встретила вышедшего «прогуляться» Нархгала. Идеалистичный и несдержанный, эльф тем не менее нравился немцу гораздо больше, чем это древнее, мудрое и невероятно высокомерное существо, Черный Дракон Предела.

– Не сомневаюсь. Ладно, к делу. Смотрите... – Он взял со стола ручку и лист бумаги и принялся чертить схему.

Человек, мирр и дракон в эльфийском облике склонились над столом. Нархгал рисовал, Йон и Вольфганг спорили, подсказывали, обсуждали... Постепенно на белом листе начала вырисовываться схема будущего ста миллионов мирров и их страны.

План Дракона и вправду предполагал жесткие, даже жестокие меры. Крови должно было пролиться мало, но вот то, *как* она должна была пролиться, покорило даже ко многому привычного эсэсовца.

Зато если план сработает как надо, а вероятность этого была крайне велика, то множество жизней, обреченных ранее, можно будет спасти.

Обсуждение затянулось на несколько часов. Потом уставший до предела за последние две недели Вольфганг почти насильно был отправлен спать, а Йон, которому удалось немного отдохнуть вчера, повел Нархгала к новичкам, среди которых Дракон планировал искать учеников. Пока что ему не везло.

Аргонрад жил, как и прежде. Мирры еще не знали, что изменения не просто неизбежны – процессы уже пошли, и даже драконам на сей раз не суждено было остановить их.

Глава пятая

Аенгрост, Некрополь, безымянный город вампиров, Сергаал Черный Клинок, Носитель Духа Предела, 2-я декада лета, 2904 год Восьмой эпохи

Всякий народ, всякая раса или нация, род или клан – каждый из них когда-то устанавливает законы и традиции, по которым живет. Моральные и этические принципы, правила наследования власти, некий кодекс чести, порядок судебных разбирательств, права и обязанности вождя или правителя – все это некогда создается и прорабатывается и позже освящается веками. Что-то остается исключительно законом, чем-то, чему принято следовать, но что многие пытаются обойти, а что-то со временем приобретает сакральное значение – и тогда становится нерушимым уже не из-за боязни наказания, общественного порицания, неких потерь, а потому что оно свято. Сакральность эта вплетается в сердца и память столь глубоко, что невозможно как-либо иначе.

И порой причиной войны между двумя государствами, кланами, родами и так далее является даже не земельные или политические разногласия, а именно различие в традициях и законах. Различие понимания сакральности. Тогда война или противостояние ведется насмерть, ибо ни один род или нация не способны – да и попросту не желают – отступить от своего священного.

Увы, иногда случается так, что чей-то закон или традиция оказываются преступны. Преступны не с точки зрения правил или ограничений другого народа, но преступны по сути своей. Такие законы есть зло, если они направлены против жизни, против свободы выбора разумного существа, ибо они являются преступлением против самого Создателя и жизни во всех Вселенных.

Нишль, Черный Властитель

* * *

Сергаал проснулся от стука в дверь. Резко вскочил – по глазам полоснул солнечный свет, проникающий в комнату сквозь зарешеченное окно.

«Черт, сколько я спал?» – Он в панике вскочил на ноги.

«Не так уж и много, – тут же отозвался Меч. – Но я бы на твоём месте все же открыл дверь той очаровательной девушке, что уже полчаса пытается до тебя достучаться».

Быстро подойдя к двери, Сергаал отворил тяжелую створку.

Перед ним стояла темноволосая рабыня – одна из тех, что вчера помогала ему вымыться после того, как его объявили победителем.

– Приветствую вас, господин, – низко склонилась она. – Мой повелитель просит вас одеться и спуститься к нему – все готово для церемонии, и ждут только вас.

– Ох... Да-да, я сейчас... передай повелителю, что я спущусь через пять минут, – пробормотал Хранитель, пытаясь ладонью пригладить растрепанные со сна волосы.

– Повелитель просил также передать вам, чтобы вы не торопились – ведь вы в последний раз имеете возможность насладиться солнечным светом, – тихо добавила девушка... И что-то в ее словах заставило Сергаала присмотреться к ней внимательнее.

Ничего особенного ни во внешности, ни в ауре рабыни не было – обычная девушка, какие в каждом городке есть. И Волчонок не сразу понял, что именно это его и насторожило.

Рабы вампиров были существами с полностью сломленной или подавленной волей. По сути, просто ходячие и выполняющие работу тела, немногим лучше зомби. В них не было ни жизни, ни эмоций, ничего. А эта молодая рабыня была... нормальная.

– Как ты попала сюда? – неожиданно для себя спросил Хранитель.

Девушка замаялась.

– Повелитель выиграл меня в карты у моего бывшего господина, – призналась она.

– А твой господин – он из этого города?

– Нет, он человек... был. Пока не умер, – со странным смешком проговорила рабыня.

– Разве людям разрешено иметь рабов? – искренне удивился Сергаал, пристальнее вглядываясь в ауру собеседницы.

– У вас – конечно же нет. Но мой бывший хозяин был издалека, а на Некрополь приехал по делам. А тут неправильно себя повел, его и... – Она красноречиво не договорила.

Разговорчивость девушки насторожила Волчонка. Быстро прикинув, как бы действовал на его месте другой «подтвержденный кандидат», он схватил рабыню за руку и втянул в комнату, захлопывая за ее спиной дверь. Темноволосая тихо ойкнула, но никак более не проявила страха.

– Не боишься такое говорить без пяти минут вампиру? – Хранитель скорчил самую страшную гримасу, на какую только был способен.

Рабыня внезапно дернулась, освободила руку и отшатнулась к стене.

– Не боюсь! – дерзко выкрикнула она, глядя в глаза Сергаала. – А чего ты мне сделаешь, выродок? Убьешь? Так я только спасибо скажу!

– Неужели жить не хочется? – тихо спросил он, глядя ей в глаза.

– А это жизнь? – еще тише проговорила рабыня, не отводя взгляда. – Надоело. Пусть уж лучше все закончится скорее.

Волчонок шагнул вперед, до боли стиснул ее плечо, прижал к стене... и тихо шепнул на ухо:

– Отвечай быстро и тихо. Ты знаешь расположение магических ловушек и защит в доме?

– Примерно, – судорожно выдавила девушка. – Но...

– Потом будешь вопросы задавать... если выживем. Эта комната прослушивается?

– Нет, но я точно не знаю...

– Сколько вампиров в доме?

– Двое, повелитель, и его друг, он хотел присутствовать на церемонии...

– Кто еще? Нежить, слуги, рабы?

– Рабы есть, но только пищевые и бытовые, они как животные. Нежити повелитель внутри дома не держит. Слуг тоже нет, со всем рабы справляются, – сбивчиво, быстро говорила она. В голосе девушки вспугнутой птицей билась и дрожала еще даже не надежда – тень ее. – Еще есть человек, его перед рассветом притащили для церемонии. И еще человек, странный, похож на охотника – но он как бы в гостях у повелителя, я не знаю, кто он, но велено исполнять его прихоти, как приказы самого повелителя.

Ох, как же потом проклинал себя Сергаал за то, что не смог сложить один и два, не сообразил, о ком говорит рабыня вампира и почему эти трое здесь!

– Хорошо. Веди себя так, как будто ничего не произошло. Делай свое дело и ничему не удивляйся – будет шанс выжить и получить свободу. Все поняла?

– Да, но...

– Потом! Все, иди!

Девушка стремглав вылетела за дверь.

«Это ты еще что-то задумал или просто синдром спасателя прекрасных дев проснулся?» – язвительно поинтересовался Эстаи.

«Еще не знаю, но она может быть полезна, – отговорился Хранитель, быстро приводя себя в порядок. – На всякий случай приготовься – мало ли что я буду делать».

«Да я-то готов».

«Вот и хорошо».

Последний раз проведя гребнем по волосам, он быстро оглядел себя – вроде все в порядке – и, глубоко вдохнув, открыл дверь и спустился по лестнице вниз.

В холле его ждала все та же темноволосая рабыня. Низко поклонившись и не смея смотреть в глаза, она робко попросила следовать за ней.

Они пересекли холл, несколько комнат, спустились по лестнице, прошли через просторный зал и остановились еще перед одной лестницей.

– Прошу вас, господин. Дальше вы должны следовать один. – Девушка вновь поклонилась.

Сергаал усмехнулся и быстро сбежал по ступеням. Оказался перед небольшой дверью, толкнул ее и сделал шаг вперед...

Перед его взором предстала небольшая круглая зала. В неглубоких нишах по стенам горели сотни свечей, в центре стоял каменный алтарь, с которого свисали цепи, вокруг алтаря горели дополнительные свечи – высокие и толстые. Стены, кроме каменных ниш, были задрапированы синей и темно-голубой тканью. У самой дальней стены стоял столик, за которым пили нечто красное (Волчонок искренне постарался поверить, что это вино) двое. Одного из них Хранитель уже знал – это был тот самый вампир, который получил право обратиться к нему. Второй же был значительно старше на вид, но уже начавший немного разбираться в этом Сергаал понял, что на самом деле он моложе своего друга лет на... триста. На столике стояла бутылка вина (молодой человек с облегчением выдохнул, что не укрылось от взгляда старшего вампира), блюдо с ломтиками сыра и третий бокал. Мест тоже было три, два из них – заняты.

– Приветствую. – Он склонился в глубоком поклоне.

И в следующее мгновение рухнул на пол, скорчившись от дикой боли. Через секунду все прошло, Волчонок смог поднять голову – и наткнулся взглядом на холодную усмешку старшего вампира.

– Не считай себя ровней нам, тварь, – презрительно процедил он, опуская руку. – Пусть даже ты и заслужил право стать вампиром, но стать вампиром – это еще слишком мало, чтобы заговаривать *со мной* первым. Встань!

Сжав зубы и гася в глубине души приступ ярости, он поднялся на ноги и тут же вновь склонился в поклоне.

– Назови мне свое имя, – бросил вампир.

– Райт, господин, – покорно ответил Сергаал, глядя в пол.

– Что же, Райт, заставило тебя желать лучшей доли, чем та, что положена тебе по праву рождения? – с интересом спросил второй вампир.

– Я не совсем понимаю, о чем вы, господин. – «Райт» склонился еще ниже.

– Почему ты решил, что можешь подняться выше уготованного человеку места? Что позволило тебе набраться наглости и пожелать себе лучшей доли, больше того – открыто заявить о своем намерении стать одним из высших существ, хотя по рождению ты являешься существом низшим? – терпеливо проговорил вампир, внимательно изучая собеседника.

Несколько секунд Сергаал размышлял, как бы ответить так, чтобы и не солгать, и не унижить себя, и в то же время дать ответ правдоподобный и который устроил бы вампира. Наконец он решился.

– Я подумал, что многие из вас когда-то точно так же решились. Пришли и взяли силой право. И были награждены за это. И я решил, что даже если ставка в этой игре – жизнь, то я готов играть.

– Похвально, хотя и нагло, – усмехнулся вампир, пригубив вино. – Ты прекрасно сражаешься. Откуда такие навыки у жителя вольной деревни?

«Эстай, срочно! Что такое „вольная деревня“?» – мысленно крикнул Волчонок, внешне изображая попытки сформулировать ответ.

«Что-то вроде стада на выпасе в полях. Вроде как свободные, но во всем подчиняются вампирам. Они же производят корм для городских рабов. Почти все новообращенные вампиры – выходцы из „вольных деревень“ – там меньше давление со стороны „хозяев“, и потому большее количество людей сохраняют волю и разум».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.